

Его Превосходительству

Ивану Федоровичу

Крузенштерну

в знак глубочайшаго почитанія

отъ сочинителя

ОЧЕРКЪ ПУТИ

ИЗЪ

СИТХИ въ С. ПЕТЕРБУРГЪ,

Ф. Врангеля.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1836.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 16-го Ноября 1836.

Ценсоръ С. Куторга.

ПУТЕШЕСТВІЕ

изъ

СИТХИ

въ Санктпетербургъ.

Ты находился въ сомнѣніи, старый другъ мой, на счетъ пути, которымъ мы возвратились сюда изъ Ситхи. Тебѣ извѣстно, что семь лѣтъ тому назадъ, мы выѣхали изъ С. Петербурга чрезъ Московскую заставу, и благополучно проѣхавъ, съ женою и ребенкомъ, около 11,000 верстъ, по Россіи и Сибири до Охотска, на суднѣ Россійско-Американской Компаніи переплыли Океанъ, и вышли на землю на сѣверозападномъ берегу Америки, въ Ситхѣ, у Ново-Архангельска, ко-

торый долженъ былъ въ теченіе пяти лѣтъ служить намъ мѣстопребываніемъ. Это время протекло — и въ одно прекрасное утро ты видишь, что мы изъ Кронштата пристаемъ на Англійской Набережной въ С. Петербургѣ; узнаешь, что наше времясчисленіе цѣлыми сутками ушло впередъ Европейскаго, и естественно заключаешь, что мы на пути своемъ держали на востокъ, хотя мы можемъ увѣрить, что не касались экватора. Между Ситхою и Петербургомъ простирается материкъ Америки, Атлантическій Океанъ и западная Европа: безчисленны пути, которые мы могли избрать для достиженія нашей цѣли. Съ удовольствіемъ сообщаю тебѣ краткое обозрѣніе того, который мы выбрали.

Мы отплыли изъ Ситхинскаго Залива 24-го Ноября 1835, на компанейскомъ суднѣ Ситха, подъ командою Ка-

питанъ-Лейтенанта Митькова. Преемникъ мой въ колоніяхъ, Капитанъ 1-го ранга Купреяновъ, за мѣсяцъ передъ тѣмъ, прибылъ туда съ своею любезною супругою, коей пріятное общество доставило намъ тѣмъ болѣе удовольствія, что вообще, въ кругу знакомства въ Ново-Архангельскѣ едва происходили перемѣны. Онъ проводилъ насъ до залива, со многими офицерами. Мы бросили послѣдній взоръ на скалу, гдѣ провели пять лѣтъ, гдѣ покидали могилу милаго дитяти, сопутствовавшаго намъ по Сибири, и съ умиленіемъ разстались съ этимъ мѣстомъ, его добродушными, преданными намь жителями, и съ ревностными моими сослуживцами, коихъ усердіе въ исполненіи обязанностей будетъ для меня всегда пріятнымъ воспоминаніемъ.

Мы поплыли къ главному городу Верхней Калифорніи, Монтерею, и пре-

терпѣвъ подъ 44° ш. сильную бурю съ градомъ, молніею и летучимъ огнемъ на реяхъ, въ темную ночь, 17-го Декабря, бросили якорь въ Монтереѣ. Послѣдовавшая, за два мѣсяца предъ тѣмъ, смерть Губернатора Калифорніи, Генерала Фигероа, повергла этотъ край въ плачевное положеніе, тѣмъ болѣе, что важныя затрудненія, при введеніи новыхъ постановленій Мексиканскаго Конгреса, еще не были устранены; недостатокъ въ деньгахъ, и безъ того уже чувствительный, сдѣлался еще тягостнѣе отъ стѣснительныхъ для торговли законовъ, и скудные способы Правительства отъ неурожая и освобожденія Индѣйцевъ, состоявшихъ до того подъ надзоромъ миссій, до такой степени изсякли, что надобно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ для прокормленія гарнизона, который, въ полномъ комплектѣ, состоитъ изъ 30 человѣкъ

конныхъ, 30 пѣхотинцевъ и 20 артиллеристовъ.

Пока судно наливалось водою и запасалось свѣжею провизіею, мы, для развлеченія, сошли на землю. Поселившійся въ Монтереѣ Шотландецъ предложилъ намъ свой кабріолетъ, мула, верховыхъ лошадей и общество свое и своей жены, здѣшней Испанской креолки, для поѣздки въ миссію Санъ-Карлосъ. Мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе. Офицеры судна, услужливый Шотландецъ и я, верхомъ, сопровождали дамъ, ѣхавшихъ въ кабріолетѣ, везомомъ муломъ и лошадью, на которой сидѣлъ Индѣецъ.

Ты вѣрно помнишь еще нашу поѣздку въ 1818 году? Крутыя горы и густыми тучами покрытое небо Камчатки, Кадьяка и Ситхи были послѣдними предметами, которые тогда запечатлѣлись въ нашей памяти; потому мы съ неописанною радостію

привѣтствовали прелестные холмы и долины Калифорніи, подобные паркамъ дубовые лѣса, бархатные зеленые луга и зыблющіяся пашни, которые живописно смѣнялись и восхищали взоры наши на краткомъ пути изъ Монтерея въ Санъ-Карлосъ. Въ миссіи принялъ насъ радушно почтенный патеръ, и гостепріимно угостилъ чужеземцевъ. Жилища, плодовый садъ, дѣятельность Индѣйцевъ — все являло порядокъ и благосостояніе заведенія.

Сколь многое измѣнилось съ того времени! Чистый теплый воздухъ, ясное голубое небо, прелестные холмы были тѣ же, какъ и тогда; мы и теперь, послѣ долгаго лишенія, наслаждались тѣми же красивыми видами; но человѣкъ въ дѣлахъ своихъ не остался столь постояннымъ, какъ природа въ своихъ произведеніяхъ. Каменныя строенія миссіи развалились, запустѣли, поля не воздѣланы, Индѣй-

цы предались праздности, и вмѣсто откровеннаго, добродушнаго Кастильца, тогдашняго патера, встрѣтилъ насъ угрюмый, недовольный, необразованный Мексиканскій монахъ.

Не будемъ останавливаться въ сей несчастной, но не смотря на то, прекрасной странѣ; поспѣшимъ далѣе, ибо путь еще длиненъ. Въ самый день Новаго Года, по новому стилю, мы опять вступили подъ паруса, и послѣ спокойнаго быстраго плаванія на югъ, бросили якорь на рейдѣ Санъ-Бласъ, въ день Новаго Года, по старому стилю. Мы внезапно перешли въ жаркій поясъ, подъ 21° 32′ широты, на берегъ Мексики. Свѣжій морской вѣтеръ умѣрялъ днемъ тягостный жаръ, а растянутая на палубѣ палатка, защищала насъ отъ палящихъ лучей солнца. Мы услаждали вкусъ свой прекрасными тропическими плодами, которые во множествѣ приво-

зили намъ съ берега; наши Ситхинскіе креолы и Сибиряки также не упускали лакомиться бананами, апельсинами, лимонами, кокосовыми орѣхами, которые при 20° тепла весьма пріятно освѣжаютъ; свѣжее молоко, мягкій хлѣбъ и устрицы, которыя здѣсь растутъ на деревьяхъ, не оставляли ничего болѣе желать сѣвернымъ гастрономамъ. Касательно устрицъ должно замѣтить, что онѣ насѣдаютъ на опущенныя въ воду вѣтви кустарника, растущаго на морскомъ берегу; рыбакъ, на лодкѣ, подъѣзжаетъ, вынимаетъ вѣтвь изъ воды, снимаетъ устрицы, которыя крупнѣе, а съ прочими опять опускаетъ вѣтвь въ воду.

Здѣсь я намѣренъ былъ сойти съ судна, и сухимъ путемъ вновь пробраться къ Атлантическому Океану. Посему обратился я къ мѣстному начальству съ просьбою о паспортѣ; но весьма естественно, что я встрѣ-

шилъ затрудненія въ такой землѣ, гдѣ революціи сдѣлались обыкновенною вещью, и ни одной партіи не удается присвоить себѣ прочную власть, потому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ виду общей пользы, но всѣ руководствуются жадностію къ богатству и почестямъ; притомъ же, Санъ-Бласъ весьма отдаленъ отъ главнаго правленія въ Мексикѣ. Таможня была единственное управленіе, которое предъявляло право вступиться въ мое дѣло. Явились чиновники, которые съ большою подробностію начали сбирать справки объ насъ и нашихъ намѣреніяхъ, исписали нѣсколько листовъ бумаги, и чрезъ два дня объявили, что, по какимъ-то законамъ, мнѣ нельзя проѣхать чрезъ республику. Англійскій Консулъ, Г-нъ Барронъ, живущій въ городкѣ Тепикѣ (въ двухъ дняхъ пути отъ Санъ-Бласа, за горами), къ которому я также обращал-

ся, личнымъ своимъ вліяніемъ устранилъ сіи препятствія; къ великому успокоенію моему, прислалъ онъ очень привѣтливое приглашеніе къ себѣ въ Тепикъ, дабы тамъ приготовиться къ дальнѣйшему пути въ Мексику, и сверхъ того, далъ своему коммиссару въ Санъ-Бласѣ приказаніе, снабдить насъ вьючными мулами, верховыми лошадьми, надежными погонщиками, и выхлопоталъ для насъ паспортъ отъ мѣстнаго начальства. Въ короткое время, все было сдѣлано. Проведя шесть дней на рейдѣ, мы съѣхали на берегъ, чтобы на другой день рано утромъ отправиться въ путь.

Городъ Санъ-Бласъ стоитъ на скалѣ; чтобы взобраться на нее, сѣли мы на мѣстѣ сходки на ожидавшихъ насъ лошадей, и мѣрнымъ шагомъ вскорѣ въѣхали въ деревню, лежащую у подошвы скалы, на низменной равнинѣ. Самая роскошная тропическая ра-

спипельносипь предспавилась нашимъ взорамъ въ садикахъ, мимо копорыхъ пролегала дорога; хижины изъ бамбуковаго проспиника, крыпыя пальмовыми лисшьями, споялн разсѣянно въ гуспой шѣни шамариндъ, манговыхъ деревъ и плапановъ; золопые апельсины, какъ огненные шары, свѣшились сквозь зелень многочисленнѣйшихъ расшеній, коихъ разнообразіе, по формѣ, цвѣпу и величинѣ лисшьевъ, цвѣповъ и плодовъ, изумляло чужеземцевъ. Ручные попугаи, переселенные изъ близкаго лѣса въ воздушныя жилища поселянъ, забавно свисшали и кричали ломаньмъ Испанскимъ языкомъ; мужчины и женщины занимались на опкрыпомъ воздухѣ домашними дѣлами своими, и загорѣлыя, полноцекія дѣвки, нагія играли на горячемъ песку. Эша сцена внезапно измѣняепся съ наспупленіемъ дождей, копорые начинаюшся въ Маѣ; равин-

на превращается въ болото, коего смертоносныя испаренія заражаютъ атмосферу; жители сотнями умираютъ отъ ужасныхъ лихорадокъ, и счастливъ, кто можетъ спастись въ горы. Санъ-Бласъ есть самое нездоровое мѣсто въ республикѣ; нигдѣ лихорадки не свирѣпствуютъ съ такою жестокостію; не смотря на то, именно въ Санъ-Бласѣ, не было холеры, хотя въ 16 легахъ далѣе, въ горахъ, въ Тепикѣ, изъ 8,000 жителей умерло отъ нея 1,000 человѣкъ.

Взобравшись на скалу, въ городъ Санъ-Бласъ, мы увидѣли картину разрушенія: казармы, церкви, публичныя зданія, укрѣпленія, все каменное, стояли въ развалинахъ, какъ печальные памятники исчезнувшаго лучшаго времени; во внутренней гавани, внизу, на берегу, гнили обломки кораблей, построенныхъ на здѣшней верфи до революціи; теперь не достаетъ спо-

собовъ, чтобы построить хотя одну небольшую лодку, и вся морская сила республики на Тихомъ Океанѣ состоитъ изъ одного корвета, съ шестью пушками разнаго калибра. — Мы пріѣхали въ торговый день; на такъ называемой Большой Площади (plaza major) толпились сельскіе жители и мулы, которые, бывъ освобождены отъ привезенныхъ на продажу плодовъ, зелени, живности, яицъ, глиняной посуды и другихъ предметовъ, бродили посреди разрушившихся зданій, ища колючей травы, выростающей изъ стѣнъ. Управляющій таможнею, который сдѣлался снисходительнѣе, вѣроятно, по посредничеству Г-на Баррона, вечеромъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; онъ много разсказывалъ намъ съ Испанскимъ красноречіемъ, о великолѣпномъ смотрѣ войскъ въ Калинѣ, коего описаніе со-

ставляло предметъ ежедневныхъ разговоровъ въ Санъ-Еласѣ.

На другой день, предъ восходомъ солнца, нашъ караванъ отправился въ путь: моя жена, я съ четырехлѣтнимъ сыномъ нашимъ, слуга, горничная (креолка съ Уналашки), двое погонщиковъ муловъ, босоногихъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, и проводникъ, закутанный въ свою серапу, вооруженный шпагою и огромными шпорами, слѣдственно всего семь всадниковъ и пять вьючныхъ муловъ. Спустившись съ Санъ-Еласской скалы, ѣхали мы, скорымъ шагомъ, болѣе 3-хъ часовъ по тропѣ, проложенной чрезъ болотистую, необитаемую и невоздѣланную равнину, между пальмовыхъ рощей и бамбуковаго тростника. Проводникъ нашъ, Донъ Езусъ, показалъ намъ небольшую деревеньку, въ которой мы могли позавтракать. Жаръ, при безоблачномъ небѣ, въ это время года былъ

несшерпимъ, и часъ отдыха весьма пріятенъ; лошадей и муловъ поставили въ тѣнь, и у хозяйки одной хижины заказали завтракъ, состоявшій изъ дурной воды, вареныхъ frijoles, родъ черныхъ бобовъ, tortillas, лепешекъ изъ маисовой муки, тягучихъ и невкусныхъ. На дальнѣйшемъ пути встрѣчали мы деревни, окруженныя сахарными и платановыми плантаціями и маисовыми полями, и на ночь остановились въ rancho, или фермѣ богатой вдовы, Доны де Мануэлья. Въ этой странѣ, путешественникъ долженъ отказаться отъ всякихъ удобствъ, и приготовиться къ ужасной дороговизнѣ: полдюжины лепешекъ и блюдо бобовъ стоили Испанскій піастръ (5 р.); если ему посчастливится достать яичницу, то заплатитъ полпіастра, а за курицу піастръ. Печеный хлѣбъ и вино можно найти только въ большихъ деревняхъ (pueb-

las) и городахъ; но тщетно сталъ бы онъ спрашивать молока и масла; ему отвѣчаютъ, чтобы приходилъ во время водъ, en tiempa de las aguas, а теперь зима, и скотъ терпитъ недостатокъ въ кормѣ, ибо высохшая земля не произращаетъ травы. Для ночлега отводятъ сарай, безъ скамей, стульевъ и столовъ, и такой pasado, venta или meson, какъ называются эти ночлеги для путешественниковъ, пользуется доброю славою, если дверь плотно затворяется, и въ глиняныхъ стѣнахъ нѣтъ трещинъ, шириною въ ладонь, и диръ, въ которыя можно просунуть голову.

По здѣшнему обычаю, предъ восходомъ солнца мы опять сидѣли на лошадяхъ. Мы покинули tierra caliente, и постепенно подымались въ горы къ Тепику, стоящему въ такъ называемой, умѣренной полосѣ, tierra templada, этой удивительной земли. Въ горахъ

воздухъ былъ не такъ душенъ, какъ на равнинѣ, но солнечные лучи все еще сильно жгли, и тѣмъ болѣе, что мѣста большею частію безлѣсны, и всадникъ находитъ тѣнь только въ садахъ около деревень.

По мѣрѣ приближенія къ городу, увеличивается народонаселеніе, и земля становится обработаннѣе; плодовые сады съ прекраснѣйшими апельсинными деревьями окружаютъ хижины поселянъ; сахарныя плантаціи, маисовыя поля, плантаціи магея разсѣяны повсюду, и ограничиваются рядами платановъ, коихъ саженные листья висятъ до земли. Растеніе магей есть родъ алоя, agave americana, изъ сока коего дѣлается водка, moskal; далѣе на востокъ дѣлаютъ изъ этого сока напитокъ легче и здоровѣе, pulque. Астеки приготовляли изъ длинныхъ листьевъ бумагу для іероглифическаго письма своего, и теперь еще

изъ волоконъ вьютъ веревки. Мѣстами попадаются сахарные заводы, для выдѣлки москаля, и по дорогѣ хижины, въ которыхъ продаютъ спѣлые плоды, сигары — puros и papellitos — москаль, подъ букетами цвѣтовъ, со вкусомъ разставленныхъ.

Мы пріѣхали въ Тепикъ въ полдень, и покрытые пылью, въѣхали на просторный и украшенный цвѣтами дворъ Г-на Баррона, который принялъ насъ дружелюбно, и ввелъ въ великолѣпно меблированные покои, чтобы представить своей фамиліи. Такимъ образомъ, мы по наружности очутились въ Европейскомъ городѣ, въ обществѣ образованнаго семейства. Радушная встрѣча Г-жи Барронъ, веселое, пріятное обхожденіе любезныхъ и прекрасныхъ ея дочерей, высокое музыкальное дарованіе двухъ старшихъ, Доны Долоресъ и Доны Мануэльи, занимательная бесѣда самого Г-на

Баррона, однимъ словомъ, все видѣнное нами въ домѣ этой достойной уваженія фамиліи, доставило намъ несказанное удовольствіе, и послужило подкрѣпленіемъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, которымъ, послѣ долгаго лишенія, пользовались мы цѣлую недѣлю. — Однако же я не долженъ распространяться: попытаюсь въ общихъ чертахъ описать тебѣ дальнѣйшее наше путешествіе, не останавливаясь на городахъ и деревняхъ, чрезъ которые мы проѣзжали. Г. Барронъ угомонилъ Gefe politico, который рѣшительно хотѣлъ воспретить намъ ѣхать далѣе; онъ позаботился также о лошадяхъ, мулахъ и погонщикахъ. Верховая ѣзда изъ Санъ-Бласа была не слишкомъ тягостна женѣ моей, за исключеніемъ солнечнаго удара въ руку; сынокъ нашъ много забавлялъ себя и насъ, на своей красивой лошади, болтовнею съ друзьями

своими, Испанцами, которые стара-лись выучить его своему языку; и такъ мы могли съ бодрымъ духомъ ѣхать далѣе.

Я назвалъ бы Мексику землею противоположностей. На разстояніяхъ соразмѣрно короткихъ, смѣняются самыя пустыя степи съ прекраснѣйшими садами и плантаціями; необозримыя равнины съ высящимися до небесъ горами; безлюдныя пространства съ населенными селами и городами; холодный утренній воздухъ съ палящимъ полуденнымъ зноемъ; сосновые лѣса съ бананами и сахарнымъ тростникомъ; мѣднаго цвѣта черноволосые Мексиканцы съ бѣлокурыми Испанцами. Безлѣсныя степи на горахъ несказанно пусты въ сухое время года. Глинистая и каменистая почва обнажена отъ всякой растительности; изрѣдка на обширномъ пространствѣ встрѣчается колючій попалъ, настоя-

щій Мексиканскій кактусъ; горизонтъ опоясываютъ голыя горы, воздухъ сухъ, небо ясно, и солнце распаляетъ людей и животныхъ до разслабленія: на пути чрезъ степь они тщетно ищутъ прохладной тѣни и освѣжающей воды. Гологоловый коршунъ, называемый zopelote, лѣниво носится надъ степью, и опускается тамъ, гдѣ привлекаетъ его запахъ мертвячины. Эта печальная картина степей Мексиканской равнины между Тепикомъ и Гвадалахарою, простирающихся на многіе десятки миль, самымъ пріятнымъ образомъ оживляется внезапнымъ появленіемъ птички огненнаго цвѣта, величиною съ нашего воробья (это не кардиналъ, котораго мы видѣли въ Перу; впрочемъ онъ также водится въ здѣшнихъ лѣсахъ); она свѣтится въ воздухѣ, какъ раскаленный уголь, на лету или качаясь на вершинѣ нопала. Эту прекрасную птичку назы-

вали мы *другомъ*, изъ благодарности за удовольствіе, которое доставляло намъ ея появленіе: обыкновенно показывалась она по близости жилыхъ мѣстъ, ибо гдѣ есть ключи и могутъ быть употреблены для поливки маисовыхъ полей, сахарныхъ плантацій и банановыхъ рощей, тамъ вѣрно встрѣтить красивую деревеньку, которая, съ зелеными садами и полями своими, какъ оазисы въ песчаныхъ моряхъ Африки, пріятно изумляетъ утомленнаго путешественника. Иногда дорога идетъ по краю глубокаго оврага, коего влажное дно обитаемо и воздѣлано, и куда взоры обращаются съ вожделѣніемъ, пока дорога не свернетъ опять въ сухую, безжизненную, скучную степь. Потомъ сцена перемѣняется; мѣстоположеніе становится разнообразнѣе; въѣзжаешь въ хвойную рощу, родъ Сибирскихъ кедровъ, но не высокаго роста, въ тѣни коихъ

цвѣтутъ лунины, того же рода и цвѣта, какъ и покрывающія въ Кадьякѣ большіе луга; если бы не встрѣчался намъ другъ нашъ, огненная птичка, мы могли бы забыть, что находимся между тропиками.

На ночь мы всегда останавливались въ селеніяхъ. Хижины поселянъ на горныхъ равнинахъ не изъ тростника, какъ въ жаркой полосѣ, но изъ нѣжной глины; въ нихъ нѣтъ сѣтко-образной рогожной койки и качающагося въ ней креола, нѣтъ и круглыхъ, изъ бамбуковаго тростника сплетенныхъ кресель; все прочнѣе и соотвѣтственнѣе суровѣйшему климату. Жилище креола меблировано слѣдующимъ образомъ. Въ одномъ углу, или и у стѣны противъ дверей, стоитъ образъ Святаго или Гваделупской Богоматери; у другой стѣны, на полкахъ, разставлены тарелки, чашки и глиняная посуда; на третьей виситъ

гипара, войлочная шляпа съ широкими полями, и длинная, прямая, съ обѣихъ сторонъ острая шпага, съ слѣдующимъ изрѣченіемъ, которое золотыми буквами насѣкается на свѣтлой стали:

No me satues sin razon;
No me enbaines sin honor.

Очагъ строится въ особенной хижинѣ, подлѣ жилаго дома; тамъ, во всякое время дня, увидишь одну изъ женщинъ семейства, стоящую на колѣняхъ и перетирающую между камнями маисовыя зерна въ муку, которая употребляется на лепешки для семейства и заѣзжихъ. Куски мяса висятъ подъ крышею для сушки; ихъ рѣжутъ, варятъ съ зеленымъ или краснымъ стручковымъ перцемъ въ глиняномъ горшкѣ, и это составляетъ любимое кушанье Мексиканцевъ. Хотя хозяйство ихъ съ перваго взгляда кажется неопрятнымъ, но они на-

блюдаютъ величайшую чистоту въ изготовленіи кушанья; ихъ глиняная посуда, сосуды для воды, которые сохранили свою форму со временъ Монтесумы, всегда бываютъ чисты, и они ничего не ставятъ на огонь, именно ни какого мяса, не вымывъ прежде мыломъ, и не выполоскавши. Они всегда услуживали намъ съ дружелюбіемъ, и обращались съ большимъ вниманіемъ, за исключеніемъ непомѣрныхъ цѣнъ за дурную пищу.

Проѣхавъ около 18 легъ отъ Теника, мы на третій день вступили въ страну, которая, по особенности своей и по непреодолимому впечатлѣнію, на насъ произведенному, заслуживаетъ упоминанія. Какъ далеко достигали взоры, земля была покрыта черными шлаками и кусками лавы, часто огромной величины; ни малѣйшее разнообразіе не развлекало устрашенныхъ взоровъ; черная, изрытая,

обширная равнина простиралась подъ ногами нашими до краевъ горизонта. Трудно составить себѣ понятіе о такой совершенной картинѣ смерти въ природѣ! Въ тундрахъ сѣверной Сибири, которыя зимою покрываются какъ бы саваномъ, и въ льдяной равнинѣ полярнаго моря, думалъ я нѣкогда видѣть символъ смерти; но игра солнечныхъ лучей, преломляющихся объ ледъ и снѣжные кристаллы, имѣетъ свою прелесть; бѣлая равнина блеститъ тысячами алмазовъ, смарагдовъ, рубиновъ; а когда солнце скроется въ густомъ снѣжномъ вихрѣ, движеніе падающихъ хлопьевъ и чистая бѣлизна ихъ вновь напоминаютъ о жизни. Здѣсь же, на мѣстѣ необъятнаго горнаго пожарища, гдѣ владычествуетъ совершенное отсутствіе цвѣтовъ, глазъ, куда бы ни обратился, видитъ только черныя массы: по истинѣ, едва ли воображеніе мо-

жетъ создать что либо ужаснѣе этого зрѣлища! Лишь только перебрались мы чрезъ сей потухшій кратеръ, какъ намъ показалось, что изъ мрачной могилы вступили мы въ веселую жизнь. Свѣтлозеленыя маисовыя поля, темносиніяагавы, зеленовато-желтый сахарный тростникъ, покрывали почву, какъ бархатные ковры, и дѣятельное населеніе деревни Ahuacatlan, уподобляло ее немаловажному городку. Она стоитъ на рѣчкѣ; въ ней прямыя улицы, каменныя строенія, красивая церковь, лавки и, что для насъ было всего важнѣе, порядочный, съ окнами и дверьми, постоялый дворъ, pa-ado. Красивѣйшихъ кипарисовъ мы не видали, развѣ только въ Керетеро; во многихъ садикахъ деревни стояли группами апельсинныя деревья, обремененныя золотыми плодами, и ряды банановъ тянулись вдоль берега рѣчки. Мы пріѣхали ровно въ полдень, и не-

сказанно страдали отъ жары на улицахъ. Мой термометръ Реомюра, стоявшій въ 7 часовъ утра на 7° тепла, показывалъ въ полдень въ тѣни 20°, а на солнцѣ $35\frac{1}{3}$. Такъ какъ мы на прогулкѣ по улицамъ совершенно подвергались солнцу, то въ теченіе пяти часовъ, изъ осенней Ситхинской температуры перешли въ температуру горячихъ сѣрныхъ ключей.

На пути изъ Тепика, мы каждый день встрѣчали караваны, шедшіе съ иностранными товарами отъ морскаго берега въ провинціи, или изъ внутреннихъ областей къ морю. По близости Агуакатлана случайно сошлось изъ разныхъ сторонъ болѣе 1000 муловъ. Изъ сѣверныхъ деревень шли обозы съ мыломъ, другіе со шляпами и водкою; изъ Гвадалахары, съ гитарами и мѣдною посудою, а съ юга, изъ Колимы, съ кокосовыми орѣхами. Мы купили ихъ нѣсколько, по реалу

(65 коп.) орѣхъ, и утолили жажду сладкимъ, освѣжающимъ молокомъ. Погонщики муловъ, arieros, и поселяне, rancheros, большею частію настоящіе Мексиканцы, потомки древнихъ Астековъ; они говорятъ по-Испански, но кажется, сохранили характеръ своихъ предковъ. Они народъ добродушный, услужливый, которымъ легко управлять; они заслуживаютъ достойнѣйшихъ правителей и наставниковъ, нежели Испанскіе креолы, которые теперь управляютъ ими.

Проѣхавъ около 3 легъ за небольшую деревню Окоте, стоящую въ каменистой, дурно обработанной странѣ, мы начали подниматься на горы, чрезъ которыя проложила себѣ дорогу рѣка Санъ-Яго, впадающая при Санъ-Суасѣ въ море; она образуетъ цѣлый рядъ водопадовъ, которые въ дождливое время, говорятъ, очень величественны; теперь же были незна-

тительны. Огромныя горныя ущелія, barancas, въ которыя надобно спускаться вдоль необыкновенно крутыхъ скатовъ горъ, несказанно затрудняютъ путь, и составляютъ непреодолимое препятствіе въ проложеніи проѣзжей дороги. Изсѣченная въ камнѣ тропа веденъ зигзагами по стѣнѣ утеса; всадникъ касается ея правою ногою, а лѣвая виситъ надъ пропастью, на днѣ коей деревья въ 150 футовъ вышины кажутся низкимъ кустарникомъ. Если лошадь оступится, то всадникъ погибъ; онъ долженъ положиться на вѣрный ходъ своего коня, или ѣхать на мулѣ, который, съ удивительнымъ искусствомъ, то скатывается, растянувъ ноги, то, почти можно сказать, по зрѣломъ размышленіи, ощупавъ переднею ногою, цѣпляется за твердый камень, и вдругъ поднимается. Если посмотрѣть снизу, какъ караванъ взби-

рается на спѣну утеса, то непонятнымъ кажется, какъ они могутъ держаться на ней, и невольно овладѣетъ зрителемъ страхъ, чтобы животныя съ грузомъ и всадниками не полетѣли стремглавъ въ пропасть. Встрѣча двухъ каравановъ чрезвычайно опасна: надобно было случиться, чтобы и мы подверглись такой опасности, и чтобы, по милости Божіей, съ нами не случилось несчастія. Муловъ разгрузили, всадники сошли съ лошадей, и вьюки надобно было стащить съ дороги, чтобы возможно было подвинуться впередъ; это стоило несказанныхъ трудовъ и потери времени.

Послѣ этого примѣчательнаго перехода, мы опять очутились въ открытой странѣ. Мы ѣхали скорою рысью по равнинѣ, производящей только группы кактусовъ. Вѣрный проводникъ нашъ, Донъ Карлосъ, притно-

ривалъ свою лошадь; мы слѣдовали за нимъ; казалось, мы боялись горныхъ духовъ изъ страшныхъ ущелій, или спѣшили къ какому нибудь важному событію. Вдругъ Донъ Карлосъ оборотился къ намъ, протянулъ руку впередъ, и закричалъ: el cocho, el cocho! Это была карета, которую Г. Барронъ приказалъ выслать намъ на встрѣчу изъ Гвадалахары, а деревенька Tequesquite есть первое мѣсто, гдѣ становится возможнымъ ѣхать на колесахъ. Отъ Тепика до сего мѣста аріеросы считаютъ 39 легъ, которыя мы проѣхали въ пять дней. На продолжительномъ путешествіи изъ С. Петербурга, мы въ экипажѣ на колесахъ доѣхали до Иркутска, и только здѣсь могли опять ѣхать такимъ же образомъ. На другой день отправились мы далѣе въ каретѣ, нѣсколько старомодной, но очень удобной, запряженной восемью мулами; по-

вый проводникъ нашъ, Игнасіо Мартини, вооруженный, ѣхалъ на рословъ конѣ, то подлѣ насъ, то впереди, указывая дорогу, которой, по настоящему, вовсе не было; она была усѣяна такими крупными камнями, что я удивляюсь, какъ Игнасіо далъ свою карету для такой ѣзды, и не могу понять, какъ благоразумному человѣку могла прійти страшная мысль ѣхать здѣсь въ каретѣ, хотя природа ни въ какой другой землѣ не представляетъ человѣку такихъ удобствъ для устроенія проѣзжихъ дорогъ, какъ на горной равнинѣ въ Мексикѣ. При настоящемъ состояніи дороги, путешествіе верхомъ было бы пріятнѣе, безопаснѣе, удобнѣе и дешевле.

Двадцать пять легъ до Гвадалахары проѣхали мы въ два дня. Мы остановились у просторной венты, въ нѣсколькихъ легахъ отъ города, чтобы взять прикрытіе, потому что

близъ большихъ городовъ часто случаются разбои, почему и у вениты стоялъ кавалерійскій пикетъ. Лучшія войска уведены были въ Техасъ, а для отправленія гарнизонной службы, оставлены рекруты, по наружности коихъ едва можно было догадаться, что они военнослужащіе. Пятеро такихъ жалкихъ молодцовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, нѣсколько постепеннѣе, присоединились къ намъ, въ видѣ охранной стражи, и въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа поскакали подлѣ нашей кареты. Не доѣзжая верстъ двухъ до городской заставы, garita, карета остановилась; las tropas, какъ нашъ Игнасіо называлъ эту сволочь, стали во фронтъ; унтеръ-офицеръ подъѣхалъ къ каретѣ съ объявленіемъ, что мы теперь внѣ всякой опасности, и что намъ уже нечего бояться, если я не откажу ему въ приличномъ награжденіи. Эта рѣчь была до-

вольно откровенна, и стоила внимания; я думаю, Правительство, не въ состояніи будучи выплачивать жалованье этимъ воинамъ, предоставило путешественникамъ попеченіе удовлетворять ихъ, подъ видомъ награжденій.

Въ Мексиканскихъ городахъ нѣтъ воротъ, которыя бы можно было запирать; la garita значитъ собственно караульню безъ караула; на наружной стѣнѣ, часовой только намалеванъ во весь ростъ; застава писарь и таможенный чиновникъ, въ одномъ лицѣ, выходитъ изъ гариты, записываетъ имя и званіе проѣзжаго, спрашиваетъ, нѣтъ ли запрещенныхъ товаровъ, и если чиновникъ въ холстинной курткѣ, въ добромъ расположеніи духа, то довольствуется сдѣланными ему отвѣтами.

Нетерпѣніе наше увидѣть этотъ знаменитый городъ было удовлетво-

рено самымъ пріятнымъ образомъ, ибо съ безлѣсной равнины, по которой идетъ дорога, предметы видны въ значительномъ отдаленіи. Гвадалахара, съ церковными башнями и монастырями и множествомъ садовъ, представила живописный видъ; на небольшомъ возвышеніи надъ городомъ и позади его стоитъ Puebla San Pedro — дачи богатыхъ горожанъ — съ безчисленными садами, сквозь роскошную зелень коихъ едва виднѣются выбѣленные домы. Но намъ должно бы остаться на нашей точкѣ зрѣнія, чтобы не изгладить пріятнаго впечатлѣнія, ибо въ улицахъ городъ представляется въ весьма невыгодномъ видѣ, и совершенно похожъ на большія деревни, которыя мы готовы были почесть за города, потому что онѣ сами не имѣютъ притязанія на это названіе; напротивъ того, *второй городъ* республики мы охотно на-

звали бы большою деревнею, не смотря на то, что въ немъ 60,000 жителей.

Почти всѣ города въ Мексикѣ построены по одному плану: улицы, совершенно прямыя, пересѣкаются подъ прямыми углами; соборная церковь стоитъ обыкновенно на обширной четыреугольной площади, plaza major, на которой строятся и значительнѣйшія зданія, между коими отличаются домъ мѣстнаго управленія и рядъ лавокъ, portalis; по срединѣ площади, четыреугольное мѣсто обсаживается тѣнистыми деревьями. Въ Гвадалахарѣ соборъ стоитъ на небольшой площади, а въ Мексикѣ на этой площади нѣтъ аллей: это исключенія. Домы, построенные изъ камня и жженой глины, рѣдко бываютъ выше двухъ этажей, и всѣ кроются совершенно плоскими, горизонтальными крышами, отъ чего городъ кажется

непривычному глазу еще недостроен-
нымъ. Это обстоятельство и осо-
бенность движенія на улицахъ, кото-
рое хотя и значительно, но преиму-
щественно состоитъ изъ транспор-
товъ вьючныхъ ословъ и муловъ, или
тяжелыхъ телѣгъ, запряженныхъ 6
и 8 волами; проѣзжающіе на ослахъ
поселяне, особенно пѣшеходы въ са-
момъ бѣдномъ одѣяніи, въ такихъ
лохмотьяхъ, что надобно удивлять-
ся искусству, съ какимъ умѣютъ на-
дѣвать ихъ; рѣдкое появленіе поря-
дочнаго экипажа, и еще рѣже прилич-
но одѣтаго пѣшехода — эта особен-
ность, это отсутствіе изящества
и богатства на улицахъ, даетъ Гва-
далахарѣ болѣе видъ многолюднаго тор-
говаго селенія, нежели города, втора-
го въ республикѣ по богатству, на-
селенію и образованности. Но когда
глазъ привыкнетъ къ низкимъ строе-
ніямъ безъ крышъ, къ проходящимъ

по улицамъ осламъ, муламъ, воламъ и всякой сволочи въ лохмотьяхъ; когда путешественникъ примется разсматривать городъ по частямъ, тогда онъ отдастъ дань удивленія величественности общественныхъ заведеній, красотѣ, изяществу и великолѣпію церквей и монастырей; онъ не замедлитъ сознаться, что Гвадалахара достойна быть главнымъ городомъ столь важнаго Штата, какъ Халиско, и изъ всѣхъ городовъ республики наиболѣе заслуживаетъ вниманія. Зданія, каковы нынѣшній арсеналъ, въ которомъ, при Испанскомъ правленіи, воспитывались обоего пола дѣти бѣдныхъ родителей, съ 24 дворами; городской госпиталь, весьма сообразно устроенный на 1000 больныхъ; Академія Художествъ, гдѣ и теперь еще обучаются болѣе 300 воспитанниковъ, и гдѣ, до упраздненія конфедераціи, въ 1834 году, собирался Конгрессъ

Шпата Халиско; табачная фабрика, на которой изготовляется ежегодно до 60 милліоновъ papellitos, и ежедневно работаютъ болѣе 1000 женщинъ; многія церкви и монастыри, въ особенности соборъ величественной архитектуры, украшенный внутри съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, безъ сомнѣнія, прекраснѣйшій во всей Мексикѣ; — эти зданія обратили бы вниманіе даже въ нашей сѣверной столицѣ, и тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія жителя Сѣвера, что въ нихъ владычествуетъ благодѣтельное вліяніе южнаго неба — просторъ, обиліе цвѣтовъ, фонтановъ. Площадь, съ дворцомъ правительства и рядами лавокъ, представляетъ живописный видъ. Alameda есть публичный садъ, который теперь хотя и запущенъ, но еще свидѣтельствуетъ о прежней своей красотѣ и величіи; Paseo — 4 ряда высокихъ тѣнистыхъ

липъ и ясеней, которые вдоль канала обходятъ почти весь городъ, и составляютъ, по воскресньімъ днямъ, прогулку высшихъ сословій, собирающихся въ экипажахъ и на лошадяхъ. Циркъ для боя быковъ и театръ доставляютъ жителямъ разнообразное удовольствіе.

Коммиссіонеръ Г-на Баррона, тамошній купецъ, Донъ Мануэль Луна, позаботился для насъ о квартирѣ въ хорошей части города, на самомъ Paseo. Взойдя только на одну лѣстницу, имѣли мы четыре просторныя комнаты, но безъ мебели; голыя стѣны; полы, какъ во всей Мексикѣ, кирпичные; окна безъ стеколъ; балконъ на улицу, а на заднемъ дворѣ тѣнистый садъ. Вскорѣ явились къ намъ посланные отъ Дона Луны и предложили намъ свои услуги; потомъ представлялись намъ Сѣверо-Американецъ, настоящій янки изъ Нью-Іор-

ка, Англичанинъ изъ Гибралтара и Ганноверецъ, люди услужливые и пріятные, изъ коихъ послѣдній въ особенности казался обязательнымъ, и дѣйствительно много содѣйствовалъ къ тому, чтобы содѣлать для насъ пребываніе въ Гвадалахарѣ, по возможности, сноснымъ. Извѣстіе о прибытіи Русскаго офицера и Русской дамы возбудило любопытство и Европейцевъ, и Мексиканцевъ; намъ стоило только показаться на балконѣ, чтобы изъ противостоявшихъ домовъ тотчасъ вызватить жителей на балконы, и заставить чернь на улицахъ столпиться въ кучи, и съ удивленіемъ глазѣть на даму, прибывшую отъ сѣвернаго полюса. — Во время прогулокъ по Paseo, за нами бѣгали и зѣвали на насъ; это было такъ несносно, что мы принуждены были отказаться отъ прогулокъ пѣшкомъ,

и, по тамошнему обычаю, нанимали карету.

Мы намѣрены были прожить въ Гвадалахарѣ только нѣсколько дней. Новые друзья наши изъ Европы и Донъ Мануэль повсюду сопровождали насъ, и показывали все достойное примѣчанія. Мы посѣтили театръ, чтобы удовлетворить своему любопытству, и посмотрѣть экзотическихъ творений здѣшняго высшаго круга. Театръ просторенъ, но былъ слабо освѣщенъ; оркестръ очень хорошъ, а игра такъ забавна, что при представленіи трагедіи Орестъ, публика изъявляла свое удовольствіе громкимъ смѣхомъ. Въ партерѣ мужчины сидѣли въ своихъ Мексиканскихъ шляпахъ, и были большею частію закутаны въ плащи, zerapas, capas, mangas, коихъ разнообразнѣйшія качества и цвѣта означали большое различіе состояній, отъ поденщика до купца

и помѣщика. Не произошло ничего неприличнаго; апплодировали, смѣялись, высѣкали огонь, курили сигары — безъ малѣйшаго нарушенія приличій. Для насъ занимательны были дамы въ ложахъ, съ высокими какъ башни гребнями, и въ Европейскомъ нарядѣ, курившія свои papellitos, которыя какъ жуки свѣшились въ устахъ, и не смотря на то, не помрачали огня черныхъ глазъ. Донъ Мануэль обѣщалъ, чего мы очень желали, сводить насъ въ женскій монастырь, въ которомъ было 300 монахинь. Подъ его покровительствомъ прошли мы въ наружныя ворота, у которыхъ встрѣтила насъ настоятельница, и послѣ продолжительныхъ учтивостей, объявила, что не можетъ впустить насъ во внутренніе покои иначе, какъ съ условіемъ, чтобы мы обязались безусловнымъ ей повиновеніемъ. Исполненіе этого предложенія вѣроятно ка-

залесь ей удобнѣе, нежели намъ; мы безъ успѣха оставили это неприступное мѣсто.

Донъ Мануэль Луна такой оригиналъ, что я долженъ короче познакомить тебя съ нимъ. Онъ Испанецъ, родомъ изъ Кадикса, и служилъ солдатомъ во время нашествія Французовъ: бывъ воспламененъ къ мщенію гибелью отца, сестры и шестерыхъ братьевъ, онъ принесъ въ жертву ихъ тѣнямъ не малое число враговъ. Но послѣ того, ничто уже не могло удерживать его долѣе въ Испаніи; онъ отправился за море, и уже 25 лѣтъ Мексиканскій гражданинъ. Не умѣя ни читать, ни писать, ведетъ онъ обширную торговлю, есть главный коммиссіонеръ всѣхъ Европейцевъ, имѣющихъ сношенія съ Гвадалахарою, знаетъ всю страну, и имя Луны повсюду употребляется для означенія человѣка честнаго, чрезвычайно расторопнаго

наго и оригинальнаго. Испанцы, иноземцы и Мексиканцы равно любятъ его, и онъ есть одинъ изъ немногихъ, которые избѣгли преслѣдованія за то, что они Испанцы, gachupinos, хотя онъ никогда не побоится сказать пару бранныхъ словъ на Мексиканцевъ и Французовъ. По его увѣренію, брань его основана на опытѣ, и если бы хотя десятая доля ея была справедлива, то эти двѣ націи можно бы было назвать самыми недостойными на Земномъ Шарѣ. Но Донъ Мануэль полезенъ, услужливъ, имѣетъ 300,000 піастровъ, открытый домъ и всегда множество гостей за столомъ: какъ не простить ему выходокъ дурнаго расположенія духа, тѣмъ болѣе, что всегда одна часть общества можетъ притомъ позабавиться на счетъ другой! Почетныя лица Штата и города сбираются къ нему обѣдать; покойный Вице-Президентъ, Генералъ

Бараганъ, состоялъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ; ему во всякое время открыты всѣ домы, и онъ дѣлаетъ и принимаетъ посѣщенія въ той же одеждѣ, въ которой стоитъ въ своей лавкѣ: въ сѣрой льняной курткѣ, широкихъ панталонахъ съ краснымъ кушакомъ по поясу, безъ галстуха, и въ войлочной шляпѣ съ широкими полями.

Опасная болѣзнь нашего сына заставила насъ продлить наше пребываніе въ Гвадалахарѣ. Ребенокъ лежалъ при смерти; мать не отходила отъ него, и мысль, что мы и этого втораго дитяти лишимся вдали отъ отчизны, терзала насъ. Участіе, оказанное намъ въ это печальное время Дономъ Мануэлемъ, Европейскими знакомцами и особенно Ганноверцемъ, Г-мъ Франке, было для насъ несказанно пріятно; хозяйка дома, въ которомъ мы жили, Испанка, пособляла

женѣ моей ухаживать за больнымъ, а врачъ, донъ Тамесъ, Мексиканецъ, былъ очень услужливъ, и принималъ участіе въ нашей печали. Опасность миновалась, и, кромѣ милости Божіей, обязаны мы еще искусству и раченію врача выздоровленіемъ нашего сына. Если докторъ Тамесъ былъ столь же благоразумный и дѣятельный губернаторъ, какъ искусный врачъ (пока конфедерація еще существовала, онъ сдѣлался губернаторомъ Штата Халиско), то должно жалѣть о странѣ, которая лишилась сего достойнаго мужа.

Ты легко можешь представить себѣ, любезный другъ, что въ расположеніи духа, въ какомъ тогда были, мы не могли принять участія въ карнавальныхъ увеселеніяхъ. Мы едва выходили изъ дому, и только взглядывали на балконъ, чтобы нѣсколько разсѣяться видомъ живаго движенія

на улицѣ. Разные фокусники съ шумною музыкою, сопровождаемые толпою черни, проходили по вечерамъ мимо нашего дома, къ великому увеселенію нашихъ островитянъ съ Уналашки; или народъ спѣшилъ на бой быковъ или пѣтуховъ, для котораго проводили и проносили мимо насъ сотни гордыхъ бойцевъ; далѣе показывалось шествіе церковной процессіи съ Католическимъ великолѣпіемъ, и свистящія ракеты возвѣщали возвращеніе ея въ церковь; въ Воскресенье, многочисленная толпа преступниковъ, гремя цѣпями, тащилась на Пасео, для поливки земли, чтобы не было пыли, а въ пять часовъ пополудни потянулось туда высшее общество въ экипажахъ и верхомъ, чтобы показать себя и лошадей. Рано утромъ поселяне съ навьюченными ослами, поденщики и женщины, съ товаромъ своимъ на головѣ, плодами, глиняною

посудою, сладостями (dulces) — или и кричали на распѣвъ; или нищіе съ корзинами, наполненными букетами прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, которые они раздавали за милостыню; все это чрезвычайно оживляло улицу.

Проживъ въ Гвадалахарѣ двѣнадцать дней, мы, съ позволенія врача, могли отправиться далѣе, хотя нашъ больной былъ еще очень слабъ. Въ наемной каретѣ на мулахъ, которые не перемѣняются, совершаютъ переѣздъ до Мексики въ пятнадцать дней, а въ дилижансѣ въ шесть дней: девятидневная разность побудила насъ предпочесть дилижансъ. Между Веракрусомъ и Мексикою учреждены дилижансы уже нѣсколько лѣтъ; но по сю сторону Мексики до Гвадалахары, только за три мѣсяца. Экипажи, упряжь и кучера изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и соотвѣтствуютъ требованіямъ путешественниковъ; лоша-

ди мѣняются на каждыхъ четырехъ миляхъ (leguas), красивы и рослы; до наступленія темноты останавливаются на опредѣленные ночлеги, гдѣ путешественникъ находитъ постель, пищу и всѣ удобства, которыя до того были вовсе неизвѣстны въ этой странѣ; экипажъ съ кучеромъ тотчасъ возвращается, и путешественники продолжаютъ путь въ другомъ дилижансѣ, до слѣдующей ночи. За мѣсто въ каретѣ (внѣ ея есть только одно мѣсто, подлѣ кучера) платятъ 70 піастровъ до Мексики; разстояніе составляетъ 175 легъ.

Пріятель нашъ, Донъ Мануэль Луна, имѣлъ намѣреніе ѣхать съ нами въ Мексику; но губернаторъ дружески объявилъ ему, что въ слѣдствіе повелѣній Сантаны, добрые граждане вѣрныхъ Штатовъ должны дать денегъ на войну въ Техасѣ, и что потому Донъ Мануэль не иначе можетъ

получить паспортъ, какъ ссудивъ Правительству 35,000 піастровъ. Онъ отложилъ путешествіе. Къ счастію, въ шестимѣстной каретѣ былъ у насъ только одинъ спутникъ, Австріецъ, пріѣхавшій по торговымъ дѣламъ изъ Санъ-Луи Потози, для собранія долговъ, и возвращавшійся безъ успѣха, человѣкъ пріятный, вѣжливый и услужливый.

Въ пять часовъ утра мы сидѣли уже въ дилижансѣ, который тотчасъ отправился съ быстротою, удивившею и почти испугавшею насъ, ибо въ этой странѣ безъ дорогъ, лѣнивому Мексиканцу и его муламъ скорая ѣзда кажется невозможностію, и то справедливости. Но нашъ Северо-Американецъ погонялъ четырехъ бодрыхъ коней съ такою неустрашимостію, и правилъ ими по пнямъ и каменьямъ съ такою ловкостію, что мы летѣли по едва проѣзжей дорогѣ,

какъ по лучшему шоссе въ Европѣ. Пока мы не удостовѣрились въ невмовѣрной прочности дилижанса, намъ казалось, что онъ неминуемо разлетится въ тысячу кусковъ, и ежеминутно опасались, что онъ опрокинется. Я два раза ѣздилъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, и одинъ разъ изъ Иркутска въ Петербургъ, и довольно знакомъ съ опасностями лѣтняго путешествія сухимъ путемъ; но мнѣ еще не случалось видѣть ничего подобнаго ѣздѣ въ дилижансѣ изъ Гвадалахары; казалось, что кучеръ бѣжалъ изъ дома сумасшедшихъ, и пассажиры обречены на гибель. Но судьба была къ намъ благопріятна, и мы достигли Мексики, не испытавъ ни малѣйшаго приключенія, хотя съ учрежденія дилижансовъ рѣдко проходитъ недѣля, чтобы не было разсказовъ объ опрокинутомъ дилижансѣ и ушибенныхъ пассажирахъ.

Окрестности были не такого свойства, чтобы пріятными видами хотя нѣсколько вознаградить насъ за эту адскую ѣзду; первые два дня дорога шла на сѣверъ по безлѣсной, пустой, дурно воздѣланной странѣ, съ немногими дрянными деревушками. Въ первый день проѣхали мы черезъ каменный мостъ на аркахъ, la puente de Calderon, сдѣлавшійся знаменитымъ въ лѣтописяхъ тамошней войны, въ 1811 году, совершеннымъ пораженіемъ инсургентовъ подъ командою Дона Мигуэля Гидальго; разсказываютъ, что тутъ побито болѣе 20,000 Индѣйцевъ, которые, повинуясь Гидальго, бросились на пушки, чтобы шляпами заткнуть ихъ жерла. Спутникъ нашъ жалѣлъ, что не все народонаселеніе, 6 милліоновъ Мексиканцевъ, было тутъ побито, ибо нельзя было оказать лучшей услуги человѣчеству: надобно только подумать, говорилъ онъ, что

эти мошенники Мексиканцы никогда не платятъ долговъ честнымъ Европейскимъ купцамъ, грабятъ и обманываютъ, и не смотря на то, не умѣютъ пользоваться землею. Это дурное расположенiе духа и на ночь не покинуло нашего Австрiйца. Изъ Лагоса пришелъ дилижансъ съ пассажирами, изъ коихъ одинъ, братъ военнаго министра Мексики, всю ночь продекламировалъ о своемъ патрiотисмѣ, разсказывалъ любовныя похожденiя, однимъ словомъ, никому не далъ покою; это такъ раздражило нашего спутника, что на слѣдующее утро, когда уѣхалъ дилижансъ изъ Лагоса съ говорливымъ Мексиканцемъ, онъ громко закричалъ ему, что первой церкви принесетъ въ даръ 100 пiастровъ, если опрокинется дилижансъ и укоротитъ дни брата военнаго министра.

Посреди каменной и песчаной степи стоитъ городъ Санъ-Хуанъ де

Лосъ - Лагосъ. Здѣшняя церковь, одна изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ въ Мексикѣ, и въ нее приходятъ богомольцы изъ отдаленнѣйшихъ краевъ республики. Въ Декабрѣ сходятся сюда болѣе 40,000 человѣкъ, и располагаются лагеремъ; при этомъ случаѣ бываетъ ярмарка, на которой въ теченіе двухъ недѣль, приводится въ оборотъ болѣе 50 милліоновъ піастровъ торговлею и азардными играми. Пообѣдавъ очень дурно, и осмотрѣвъ знаменитую церковь, мы на вторую ночь пріѣхали въ красивый городъ Лагосъ, стоящій въ плодороднѣйшей странѣ, нежели песчанные холмы и голыя скалы Санъ-Хуана. Сюда выходитъ дорога изъ горнаго округа Сакатекаса и Дуранго, съ сѣвера, въ Мексику; и въ дилижансѣ только что прибыло шесть пассажировъ, изъ коихъ четверо желали продолжать путь съ нами; намъ посчастливилось до-

быть карету, въ которой могло помѣститься умножившееся число нашихъ спутниковъ, безъ особеннаго для насъ безпокойства. Такъ какъ по воскреснымъ днямъ дилижансы здѣсь не ходятъ, то мы принуждены были остановиться на день, и сынъ нашъ, еще не оправившійся, могъ отдохнуть. Хозяинъ гостинницы, Испанецъ, служилъ офицеромъ въ экспедиціи Маласпины, и много разсказывалъ про Алеутовъ и Русскихъ, которыхъ видѣлъ на С. З. берегу Америки; но этотъ общій интересъ новаго знакомства нашего не помѣшалъ ему позаботиться о своемъ собственномъ, и потребовать съ насъ 21 піастра (104 р.) за двѣ ночи и одинъ день.

Въ числѣ новыхъ спутниковъ нашихъ былъ Мексиканецъ, богатый помѣщикъ изъ Штата Сакатекасъ, кавалерійскій полковникъ національной милиціи Штата до упраздненія конфедераціи.

Онъ былъ молчаливъ, скроменъ, но, по прекрасному солитеру въ перстнѣ замѣтно было, что у него есть побольше широкой шляпы и простой лѣтней куртки. Онъ разсказывалъ, что губернаторъ Сакатекаса образовалъ отличнымъ образомъ національную армію, и въ особенности кавалерію, и тѣмъ возбудилъ въ Президентѣ Сантанѣ опасеніе, чтобы личное вліяніе его не потерпѣло отъ того, если прочіе Штаты, послѣдовавъ сему примѣру, также придутъ въ самостоятельное положеніе. Жадность Сантаны къ деньгамъ вѣроятно также содѣйствовала къ уничтоженію конфедераціи, ибо, такимъ образомъ, вновь открытый рудникъ въ Фрезнильо достался въ распоряженіе центральнаго правленія въ Мексикѣ, или, лучше сказать, сдѣлался собственностію Сантаны. Этотъ серебряный рудникъ, самый богатый въ цѣломъ Свѣтѣ,

даетъ еженедѣльно 50,000 піастровъ, слѣдственно по милліону рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ Правительству достается только пятая часть, а $\frac{4}{5}$ употребляются на разработку рудника! Чего не сдѣлаетъ патріотъ республиканецъ, чтобы не допустить такихъ богатствъ въ общественную казну, изъ предосторожности, чтобы Правительство не оказалось благонадежнымъ! По крайней мѣрѣ, въ Мексиканской республикѣ патріотизмъ гражданъ обнаруживается самымъ разительнымъ образомъ наглостію, съ какою всѣ государственные чины, отъ Президента до береговаго смотрителя или писца въ судѣ, всячески грабятъ казну.

Фамилія милиціоннаго полковника, Флореса аль-Торре, ведетъ начало съ завоеванія Мексики. Родоначальникъ его, Флоресъ, офицеромъ прибылъ туда съ Геррерою, и въ одномъ сраже-

ніи съ Мексиканцами получилъ отъ генерала предписаніе взять башню: Геррера, указывая ему на башню одного кацика, закричалъ: Flores! al torre! Флоресъ бросился на нее и вскорѣ возвратился къ Геррерѣ съ плененнымъ кацикомъ. Съ того времени, гербъ его изображаетъ башню и кацика въ цѣпяхъ, и фамиліи дано названіе al torre. Флоресъ разстался съ нами въ Керетеро, гдѣ ему приходилось получить по наслѣдству 54,000 піастровъ. Изъ спутниковъ для насъ былъ особенно занимателенъ Нѣмецъ, Г-нъ Штейнъ, человѣкъ образованный и пріятный, извѣстный въ Мексикѣ какъ отличнѣйшій минералогъ, котораго Правительство потребовало въ Мексику, чтобы отобрать у него мнѣніе объ управленіи Фрезнильоскимъ рудникомъ.

Дорога наша шла чрезъ городокъ Леонъ, коего жители извѣстны по

плутовству. Городъ наполненъ и окруженъ плодовыми садами и огородами, которые обводятся изгородами изъ кактусовъ, подобныхъ колоннамъ; это придаетъ имъ особенный видъ, коего прелесть возвышается длинными аллеями деревъ, весьма красивыхъ, называемыхъ del Peru. Это дерево напоминаетъ нашу березу, но листъ крупнѣе, зелень очень темная, и пурпуровыя ягоды, чрезвычайно ядовитыя, висятъ во множествѣ большими кистями. Отъ Леона начинается, такъ называемая, Бахіо, самая плодородная и наилучше воздѣланная страна въ Мексикѣ. Это площадь на высотахъ, плоская, обширная равнина, простирающаяся до Керетеро, ограничиваемая слѣва знаменитыми горными рудниками Гванахуато, справа, въ большемъ отдаленіи, горами, замыкающими бассейнъ рѣки Сантіаго. Бахіо такъ равна, какъ билліардъ; почва состоитъ

изъ превосходнаго чернозема, нахапиныя поля, огороды, сахарныя плантаціи, прозрачныя рощи мимозъ, покрываюшь эту прелестную долину; многолюдное населеніе живетъ въ значительныхъ деревняхъ, загородныхъ домахъ (haciendas) и городахъ. Эта житница горныхъ округовъ была настоящимъ позорищемъ войны, коей печальныя последствія и теперь еще заметны въ разрушенныхъ селахъ и поместьяхъ. Дорога идетъ мимо самаго местечка Валенсіаны, знаменитаго по горнымъ промысламъ, коего зданія мы могли видеть. Переночевавъ въ красивомъ городке Ирапуато, мы проехали чрезъ другой, Саламанху, коего жители также славятся плутовствомъ; потомъ показывали намъ влево отъ дороги стоящія въ некоторомъ отдаленіи селенія Санъ-Мигель и Долоресъ, где тамошній священникъ, Гидальго, сделалъ воззваніе

къ бунту, и нанесъ первый ударъ, который въ послѣдствіи совершенно оторвалъ колоніи отъ метрополіи.

Города слѣдуютъ одинъ за другимъ въ небольшихъ разстояніяхъ. Зелая, пріятное мѣсто съ красивою площадью, украшается церковью и мостомъ, которые славятся въ республикѣ изящною архитектурою. Эль-Пассо, миловидный городокъ, окруженъ обширными плодовыми садами и огородами, и окрестности отлично воздѣланы. Къ ночи пріѣхали мы въ окружный городъ Керетеро, живописно расположенный у подошвы горы, и заключающій въ себѣ много большихъ зданій, церквей, монастырей, и очень красивую площадь. Закрытыя суконныя фабрики, многіе изъ лучшихъ домовъ, стоящіе впустѣ, напоминаютъ о прежней торговлѣ и благосостояніи города, коего жители явили себя вѣрными подданными во время рево-

люціонной войны. Большая часть самыхъ зажиточныхъ въ послѣдствіи выѣхали изъ Керетеро, гдѣ изъ 40,000 осталось теперь только 17,000 жителей; промышленость и торговля исчезли, а новый порядокъ въ Мексикѣ также не таковъ, чтобы вновь поднять ихъ. Гостинница дилижансовъ просторна, устроена прилично и удобно. Здѣсь оставили отъ насъ Флоресъ-аль-Торре и знакомецъ нашъ Австріецъ; послѣдній отправился въ Санъ-Луи-Потози, куда также ходятъ дилижансы. Въ Керетеро оканчивается Бахіо; надобно подниматься на высоты; городъ остается въ долинѣ; каменный водопроводъ на мелкихъ сводахъ тянется чрезъ равнину къ горамъ: все это представляетъ прелестный видъ. Далѣе страна становится гористою, дорога каменистa; куда ни обратишь взоръ, вездѣ потухшіе кратеры и волканическіе останки. Однако же про-

мыслёпосшь человѣка побѣждаетъ и эту недружелюбную природу, и до городка Санъ-Хуанъ дель-Ріо смѣняющся сады и поля съ пустыми пространствами. Но далѣе исчезаетъ освѣжающая зелень, дорога становится болѣе и болѣе неровною; надобно подниматься все выше и выше, и Тула, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, стоитъ уединенно, въ невоздѣланной степи. Вскорѣ видъ опять измѣняется: обширныя плантаціи агавы и помѣстья служатъ признакомъ многолюдія; видъ большаго озера Тескуко, и воздымающихся за нимъ до небесъ исполинскихъ горъ Попокатепетль и Истаццигуатль, съ снѣжными вершинами, тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, что путешественникъ, по знаменитой плоской возвышенности Анагуакъ, приближается къ вратамъ столицы Монтесумы. Когда мы подъѣхали къ Мексикѣ, было уже темно,

по дорогѣ мало народу, и городъ скрывался отъ взоровъ нашихъ; дилижансъ остановился, и таможенный чиновникъ у будки принялся досматривать наши вещи. Когда это кончилось, поѣхали мы въ гостинницу дилижансовъ, по хорошо освѣщеннымъ улицамъ, наполненнымъ народомъ.

При входѣ въ залу гостинницы, мы могли удостовѣриться, что находимся уже гораздо ближе къ Европѣ, нежели наканунѣ, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, услужливый Италіянецъ, привѣтствовалъ гостей на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, кромѣ Русскаго. Но не Европа могла удовлетворить наше любопытство, и тебѣ покажется естественнымъ, любезный другъ, что таинственный мракъ, облекавшій городъ, въ высочайшей степени напрягалъ наши ожиданія. Привлекательныя сказанія путешественниковъ о Мексикѣ и окрестностяхъ,

несмѣтныя богатства церквей и монастырей, чудесность ея древней Исторіи, все способствовало къ тому, чтобы въ самой юности сотворить въ моемъ воображеніи картину, коей прелесть возрастала столь же сильно, какъ и невѣроятность увидѣть когда либо этотъ волшебный городъ. Наконецъ мы стояли передъ завѣсою, которая скрывала отъ насъ зрѣлище, и не могли поднять ея! Звонъ колокольчиковъ вызвалъ насъ на балконъ; присутствовавшіе заставили насъ стать на колѣни: къ больному несли по улицѣ Причастіе, причемъ на улицѣ и въ домахъ всѣ преклоняютъ колѣни, и караулы становятся подъ ружье, и отдаютъ честь. Потомъ затихло, ибо улица, въ которой стоитъ гостинница, не проходная, и по ней нѣтъ большаго сообщенія. Мы имѣли нужду въ отдыхѣ, и утѣша-

лись намѣреніемъ воспользоваться, какъ можно лучше, слѣдующимъ утромъ.

Хотя болѣзнь нашего сына, продолжавшаяся двѣ недѣли, задержала насъ въ Мексикѣ цѣлый мѣсяцъ, однако же мы не могли посвятить всего времени исключительно осмотру всего достопримѣчательнаго, и только мелькомъ обозрѣвали предметы, которые заслуживаютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія; посему не ожидай отъ меня описанія Мексики, и прими снисходительно немногія и неполныя свѣдѣнія о нашемъ здѣсь пребываніи.

Письма Г. Баррона къ пріятелямъ его въ Мексикѣ, доставили намъ знакомство со многими семействами, изъ коихъ въ особенности Англійскій Посланникъ Г. Пакенгамъ и Англійскій Генеральный Консулъ Г. О'Горманъ, съ своею любезною супругою, заботились о томъ, чтобы сдѣлать для насъ пребываніе въ Мексикѣ пріят-

нымъ. Я представился также Прусскому Генеральному Консулу, Г. фонъ Герольту, который какъ будто почелъ обязанностію, въ этой чужой сторонѣ, содѣйствовать намъ словомъ и дѣломъ; онъ ввелъ насъ во многіе Нѣмецкіе домы и къ Французскому Посланнику, Барону де Деффодису, и мы пользовались его занимательнымъ обществомъ такъ часто, какъ позволяли его дѣла. Нѣмецкія фамиліи живутъ здѣсь въ тѣсной связи, составляютъ общества, и ведутъ веселую жизнь; у Мексиканцевъ пользуются они доброю славою, и заслужили отъ нихъ болѣе довѣрія, нежели другіе Европейцы. Въ кругу сихъ обществъ, провели мы нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, а для разнообразія, посѣщали Италіянскую оперу. По наступленіи поста, всѣ увеселенія должны были прекратиться, и театръ слѣдовало бы закрыть; но требованія иностран-

цевъ, а кажется еще болѣе финансовыя причины, побудили Правительство сдѣлать исключеніе въ пользу Италіянской оперы: хотя не достаетъ денегъ на выдачу жалованья чиновникамъ, на содержаніе госпиталей, на заведеніе школъ и т. п., по оперѣ выдается въ пособіе изъ казны 20,000 піастровъ въ годъ. Впрочемъ, артисты этой оперы соотвѣтствовали ожиданіямъ меломановъ-Мексиканцевъ на счетъ превосходства заморскаго пѣнія. Въ театрѣ имѣли мы случай наблюдать Мексиканскую публику, и тѣмъ охотнѣе воспользовались имъ, что въ частныхъ домахъ, которые мы посѣщали, рѣдко показывались Мексиканцы, хотя бы и хозяйка дома была тамошняя урожснка. Политическія обстоятельства препятствуютъ развитію общественной жизни между Мексиканцами; духъ партій и болзнь руководствуютъ ими,

и умственная жизнь подавляется прежде нежели успѣетъ разцвѣсть. — Женщины пріѣзжаютъ въ оперу въ великолѣпномъ нарядѣ; въ глубинѣ ложъ рѣдко гдѣ тлѣлась сигара; за то мужчины, хотя и не закутанные въ серапы, сильно курили. Вліяніе Европейцевъ на нравы и обычаи обнаруживалось здѣсь болѣе, нежели въ Гвадалахарѣ, что и естественно; поэтому, особенностей Мексики должно искать преимущественно въ наружности города, улицахъ, зданіяхъ, окрестностяхъ.

Съ перваго взгляда Мексика является столицею богатаго, обширнаго государства. При той же правильности въ расположеніи, какая замѣчается въ другихъ городахъ, напримѣръ Гвадалахарѣ или Керетеро, разница однако же очевидна. Совершенно прямыя улицы перерѣзываютъ городъ отъ одного конца до другаго; многія

изъ нихъ имѣютъ отъ четырехъ до пяти верстъ протяженія, по ровной плоскости, и такъ какъ равнина со всѣхъ сторонъ окружена горами, то каждая улица замыкается высокою горою, которая, по причинѣ разрѣженія атмосферы на высотѣ 7000 футовъ надъ поверхностію моря, кажется стоящимъ гораздо ближе, нежели на самомъ дѣлѣ. Немногія зданія выше трехъ этажей, но построены въ высокомъ стилѣ, и между ними попадаются дворцы, напримѣръ домъ Императора Итурбиде, національный дворецъ, университетъ, а преимущественно прекрасная манарія, горная академія, коей построеніе еще не кончено со времени Гумбольдта, тому 35 лѣтъ назадъ. Можно было бы сдѣлать длинный списокъ церквей и монастырей, заслуживающихъ вниманіе внутреннимъ украшеніемъ и богатствомъ или наружнымъ видомъ. Соборная цер-

ковъ поражаетъ огромностію и готическою архитектурою, и представляетъ прекрасный видъ на обширной площади, особенно при лунномъ сіяніи. Внутри она слишкомъ загромождена, но взамѣнъ этого недостатка, обладаетъ она такимъ сокровищемъ благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней, что надобно его видѣть, чтобы имѣть о немъ понятіе. По обязательности Г-жи О'Горманъ, коей духовникъ главнымъ священникомъ въ соборѣ, намъ удалось осмотрѣть это сокровище. При великой нетерпимости здѣшняго духовенства и народа, чужестранцу трудно получить доступъ въ ризницу, и это въ особенности воспрещено женщинамъ; даже съ дозволенія падре, жена моя осмѣлилась войти въ церковь не иначе, какъ въ сопровожденіи Г-жи О'Горманъ, закутавшись, по обычаю Мексиканокъ, въ черную

мантилью, и съ огромнымъ гребнемъ. Долженъ признаться, что меня необычайно поразилъ видъ разставленныхъ въ ризницѣ, съ отличнымъ вкусомъ сдѣланныхъ сосудовъ, символическихъ украшеній, подсвѣчниковъ, посоховъ, изъ чистаго золота, усѣяннаго прекраснѣйшими брилліантами, блестящими какъ солнце, превосходнѣйшими смарагдами и рубинами. Государственное сокровище, которое я видѣлъ въ Лондонской башнѣ (Tower), должно было казаться здѣсь маловажнымъ. Нельзя превозмочь себя, чтобы не провести нѣсколькихъ часовъ въ удивленіи передъ этимъ земнымъ блескомъ въ храмѣ Творца. — По лѣвую сторону собора стоитъ построенная Кортесомъ часовня; съ другой стороны вдѣланы въ стѣну знаменитые часы Монтесумы — камень въ десять квадратныхъ футовъ, на ко-

торомъ изсѣченъ древній Мексиканскій солнечный кругъ.

Національный дворецъ, занимающій самую длинную сторону четыреугольной площади, въ два этажа, не имѣетъ ничего отличнаго, но замѣчателенъ тѣмъ, что построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ нѣкогда дворецъ Мексиканскихъ Императоровъ Астековъ. Въ немъ помѣщаются не только различные департаменты по всѣмъ отраслямъ управленія, залы собраній Палаты Депутатовъ и Сената, но также пороховая и оружейная кладовая, даже тюрьма. Зала депутатовъ, построенная полукружіемъ, стоитъ вниманія по изяществу украшеній и сообразности расположенія. На стѣнахъ начертаны золотыми буквами имена героевъ Мексики. Итурбиде былъ исключенъ изъ этого списка, но, по уничтоженіи федеративной системы,

опять помѣщенъ; въ то же время появилась большая картина, писанная масляными красками, и представляющая сраженіе Сантаны съ Испанцами подъ Веракрусомъ. Между воинами Мексики отличается предъ всѣми Витторія своею странною участью. Будучи самымъ ожесточеннымъ врагомъ Испанцевъ, онъ велъ въ Штатѣ Веракрусъ партизанскую войну. Когда Испанцамъ удалось на нѣсколько лѣтъ возстановить свое владычество, Витторія принужденъ былъ бѣжать въ дремучіе лѣса Оризабасскихъ горъ, гдѣ скитался два года, не имѣя сношеній ни съ однимъ живымъ существомъ. Онъ питался лѣсными плодами, коихъ сборъ стоилъ ему невѣроятныхъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣлался боленъ. Въ этомъ положеніи, лежа на сырой землѣ, думалъ онъ, что насталъ часъ смерти; вдругъ спустился на него коршунъ, el zapalote,

сѣлъ къ нему на грудь, и клюнулъ его въ ротъ. Ужасъ объялъ Витторію: онъ собралъ послѣднія силы, схватилъ ртомъ коршуна, откусилъ ему голову и высосалъ изъ него кровь; это такъ подкрѣпило его, что онъ могъ продолжать свой путь. Въ послѣдствіи спасли его Индѣйцы, и теперь Витторія живетъ въ Мексикѣ въ качествѣ сенатора. Печальный опытъ разочаровалъ этого человѣка, который, по примѣру многихъ другихъ, ему подобныхъ, бывъ подстрекаемъ заблужденіями, и жертвуя жизнію, трудился надъ ниспровержепіемъ законнаго порядка, и въ ослѣпленіи страстей мечталъ о свободной, на добродѣтеляхъ основанной, республикѣ. Хотя ожесточеніе Мексиканцевъ противъ Испанцевъ въ настоящее время столь сильно, и опасеніе прежнихъ ограниченій въ торговлѣ и промышлености столь велико, что нельзя

помышлять о соединеніи вновь съ несчастною, раздираемою метрополіею, однако же, съ другой стороны, очевидна склонность образованнѣйшихъ и здравомыслящихъ жителей, придать правительству болѣе силы сосредоточеніемъ власти, и вручить бразды правленія кому либо одному, того достойному. Но между всѣми классами и состояніями здѣшнихъ креоловъ распространилась столь явная и всеобщая безнравственность, что этого одного невозможно найти, и такимъ образомъ машина правленія болѣе и болѣе разстроивается, часто вовсе останавливается, и предоставляетъ гражданство произволу судьбы. Въ прекрасно убраной Палатѣ Депутатовъ, представители націи собираются, кажется, только для того, чтобы пощеголять краснорѣчіемъ и высокопарною декламаціею, и притомъ до безконечности затруднять ходъ

дѣлъ. Такъ называемая оппозиція должна была наблюдать за дѣйствіями правительства, а она налагаетъ на него цѣпи, уничтожаетъ его власть, и стремится только къ тому, чтобы на счетъ государства утолить жадность своихъ членовъ къ деньгамъ. Государственная казна истощена; правительство часто принуждено бываетъ дѣлать займы у торговыхъ домовъ, и платить по четыре процента въ мѣсяцъ! Только военные и высшіе государственные чины получаютъ жалованье, а гражданскимъ чиновникамъ предоставлено удовлетворять себя противузаконными притѣсненіями, и такимъ образомъ исполненіе правосудія, управленіе финансами, таможни, горные округи, однимъ словомъ, все государство предано множеству безсовѣстныхъ чиновниковъ, которые грабятъ его по службѣ, ex professo! — Замѣчательно, что при

этой безнравственности чиновниковъ вообще, при отсутствіи всякихъ правилъ въ высшихъ классахъ, простой народъ отличается добродушіемъ и кротостію нрава. Въ народныхъ собраніяхъ, на рынкахъ, на публичныхъ гульбищахъ, на зрѣлищахъ боя быковъ, и т. п., никогда не случается неблагопристойностей, драки или воровства; простолюдинъ соблюдаетъ величайшую учтивость, кланяется, даетъ дорогу, и содѣйствіе полиціи, для сохраненія порядка, вовсе излишне въ такихъ случаяхъ. Въ нетрезвомъ видѣ, въ винныхъ лавкахъ, нерѣдко случается, что одинъ Мексиканецъ на другаго вынетъ свой большой ножъ, который всегда носитъ съ собою; они и исколютъ другъ друга, и мертвое тѣло выбросятъ на улицу, какъ будто не случилось ничего особеннаго; объ убійствахъ и воровствахъ въ городѣ и окрестностяхъ разсказываютъ

ежедневно. Убійства въ кабакахъ или пулькуаріяхъ должно приписать дѣйствію крѣпкихъ напитковъ, затемняющихъ разсудокъ, но воровство производится подъ защитою какого нибудь значительнаго чиновника. Во время нашего пребыванія въ Мексикѣ доказано было, что большая шайка воровъ нѣсколько лѣтъ отправляла свое ремесло подъ покровительствомъ одного Полковника, адъютанта Вице Президента; ты подумаешь, что открытіе положило конецъ его промыслу и службѣ? Ни мало: Полковникъ былъ любовникъ сестры Сантаны, которая публично продаетъ мѣста; допустить его на висѣлицу — это было противно нѣжнымъ ея чувствамъ; посему судья, въ рукахъ коего находились доказательства, наскоро былъ отравленъ собственною женою, а для удовлетворенія публики повѣсили пару простыхъ мошенниковъ. По полно

объ этомъ: Палата Депутатовъ завлекла меня слишкомъ далеко. Лучше осмотримся еще нѣсколько.

Музеумъ, собраніе Мексиканскихъ древностей и кабинетъ Натуральной Исторіи, заключаютъ въ себѣ предметы чрезвычайно занимательные, не смотря на то, что безпрерывно подвержены самому безсовѣстному грабежу. Изсѣченные изъ камня гигантскіе кумиры древнихъ Мексиканцевъ, съ символическими знаками, и небольшія головы и фигуры, весьма искусно сдѣланныя изъ обсидіана, своими формами и украшеніями напомнили мнѣ работы нашихъ Ситхинскихъ Колошей изъ глинистаго сланца. Даже обыкновенное у Мексиканцевъ окончаніе на этль — Попокатепетль, Мекситль — ты конечно часто замѣчалъ у Колошей, напримѣръ Наушкетль. Мнѣ кажется, стоило бы труда продолжать основательно это сравненіе.

Такъ называемый Ботаническій Садъ есть запущенное, маловажное заведеніе, въ которомъ вовсе нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ неполнаго собранія кактусовъ и знаменитаго ручнаго дерева, которое найдено тутъ при завоеваніи Мексики, и долгое время было почитаемо единственнымъ въ своемъ родѣ, нынѣ же найдены цѣлые лѣса въ Гватималѣ. Извѣстно, что этому дереву дано названіе по виду цвѣтовъ его, уподобляющемуся разверстой рукѣ; листья его похожи на кленовые.

Для обозрѣнія достопримѣчательностей, избирали мы обыкновенно время послѣ утренней прогулки въ Аламедѣ. Въ этомъ обширномъ, хорошо расположенномъ, тѣнистомъ саду, широкія аллеи, круги, фонтаны; по сторонамъ аллей прекрасные розовые кусты, которые въ то время цвѣли; тамъ такая прохлада, такое

благоуханіе, которыя нѣжатъ тѣло тѣмъ болѣе, что въ это сухое время года чрезвычайно рѣдкій горный воздухъ и безпрестанное солнечное сіяніе для иностранца тягостны, и онъ чувствуетъ какое-то нерасположеніе, не имѣетъ апетита, и страдаетъ головокруженіемъ. Большой фонтанъ составляетъ центръ этого прекраснаго сада, окруженнаго широкою дорогою для экипажей и верховыхъ. За часъ передъ захожденіемъ солнца сбирается здѣсь высшая публика, а ко времени вечерней молитвы, oracion, которая возвѣщается колокольнымъ звономъ, вдругъ пустѣютъ аллеи и дорога. На дорогѣ въ Аламеду проѣзжали мы чрезъ знаменитый водопроводъ, который снабжаетъ здоровою водою многіе фонтаны въ городѣ и жителей; она проведена съ ближнихъ горъ, и протекаетъ по 900 крѣпкимъ

и широкимъ сводамъ, вышиною до 12 футовъ, безъ покрышп.

Въ городѣ есть еще два публичныя гульбища: Paseo las Vigas, зимнее, и большой Пасео, лѣтнее. Послѣдній со многими красивыми фонтанами, находится на пріятномъ мѣстоположеніи; первый, нынѣ посѣщаемый, заслуживаетъ, чтобы о немъ упомянуть. Las Vigas есть аллея, въ 1¾ версты, идущая вдоль канала Чалько (Chalco), который соединяетъ озера Тескуко и Чалько. Въ началѣ XVI столѣтія все это пространство было покрыто водою, и теперь еще представляетъ площадь мало воздѣланную и болотистую; но группы горъ вдали съ высящимися снѣжными вершинами обоихъ волкановъ, придаютъ ей живописный видъ. По воскреснымъ днямъ этотъ Пасео чрезвычайно оживленъ и занимателенъ, и мы не пропускали часа прогулки. Съ одной

стороны каналъ, покрытый длинными и широкими лодками, съ другой безчисленное множество экипажей, верховыхъ, пѣшеходовъ на Пасео, представляютъ чрезвычайно веселый видъ, особенно лодки, которыя подвозятъ поселянъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, и на которыхъ иногда молодая пара подъ гитару пляшетъ національный танецъ. И пѣшеходы украшаютъ голову и грудь цвѣтами. На каналѣ есть и знаменитые плавающіе сады, chinampas, покрытые прекраснѣйшею зеленью; они снабжаютъ городъ лучшими овощами.

Но мы уже довольно побродили по улицамъ и гульбищамъ; войдемъ теперь въ домъ, и посмотримъ на внутреннее устройство. Почти всѣ домы имѣютъ внутри четыреугольный дворъ (patio); въ нижнемъ этажѣ магазины съ товарами; погребовъ здѣсь нѣтъ, ибо мѣсто, на которомъ сто-

итъ городъ, отнято у озера, и въ дождливое время вода скопляется и доходитъ до половъ въ магазинахъ. Жилыя комнаты во второмъ этажѣ; онѣ высоки, веселы, часто велики, красивы; окна доходятъ до полу, каменнаго, покрытаго коврами, и открываются на балконъ, на улицу; вокругъ всего двора построена галлерея, ведущая въ комнаты, и обыкновенно убранная красивыми кактусами и другими растеніями; такъ что замѣняетъ садъ. Это обыкновеніе придаетъ внутренности дома очень пріятный видъ. Плоская крыша есть другая пріятность; по захожденіи солнца или рано утромъ, съ этихъ крышъ (azotea) наслаждаются открытымъ видомъ на городъ и окрестности, панорамою, которая, въ цѣлости и въ частяхъ, чрезвычайно живописна и величественна. Представь себѣ обширный кругъ высящихся до небесъ горъ съ снѣж-

ными вершинами, пространную равнину, на которой стоитъ Мексика; посреди сего круга, загородные домы съ садами, монастыри и мѣстечки, разсѣянные по равнинѣ, каковы Такубая, Сантъ-Августинъ, Гаделупе, Чапультепекъ и другія, большія озера Чалько и Тескуко; наконецъ, видъ на богатый куполами и башнями городъ съ 180,000 жителей, волнующихся по улицамъ; — представь себѣ все это, при освѣщеніи тропическимъ солнцемъ: трудно найти картину прелестнѣе этой, которой недостаетъ только пѣнящагося моря.

Мы сдѣлали нѣсколько занимательныхъ поѣздокъ въ окрестности, именно въ Сантъ-Августинъ, красивый городокъ, гдѣ Кортесъ сначала хотѣлъ построить столицу, ибо мѣсто тамъ возвышеннѣе, страна плодороднѣе и прекраснѣе, нежели равнина, которую занимаетъ теперь Мексика. Сантъ-

Августинъ посѣщаютъ собственно въ Троицынъ день; тогда съѣзжаются туда жители не только изъ Мексики, но и изъ окрестныхъ мѣстъ, останавливаются лагеремъ въ чистомъ полѣ, подъ шатрами, и пять дней и ночей посвящаютъ баламъ, боямъ пѣтуховъ (у Санты-Аны 500 этихъ бойцевъ, посредствомъ которыхъ онъ держалъ республику въуздѣ), и особенно азардной игрѣ, монта, для которой 20 домовъ, держащихъ эту игру, привозятъ изъ Мексики не менѣе 60,000 дублоновъ ($5\frac{1}{2}$ милл. р. асс.) золотомъ, не считая серебра, и вѣроятно возвращаются домой съ прибылью отъ 25 до 50 процентовъ. Подлѣ самаго города учреждается фабрика бумагопрядѣнія, которая есть единственная въ республикѣ, или лучше сказать будетъ, потому что въ 15 лѣтъ постройка ея еще не была кончена.

Во время поѣздокъ посѣтили мы

также знаменитую церковь Святой покровительницы Мексики, Гваделупской Богоматери, и построенную подлѣ нея на скалѣ часовню; *каменный корабль*; но за исключенiемъ исчисленiя накопленныхъ тамъ богатствъ, нечего сказать объ нихъ.

Поѣздка въ Чапультепекъ была для насъ гораздо занимательнѣе. Это замокъ, находящiйся на сѣверъ отъ Мексики, на одинокой скалѣ, возвышающейся посреди равнины, гдѣ древнiе государи проводили лѣто. Замокъ въ развалинахъ, и потому объ немъ ни слова. Но кипарисная роща внизу, у подошвы скалы, стоитъ быть воспѣта стихотворцемъ; я не осмѣливаюсь описывать впечатлѣнiя, произведеннаго на меня этимъ лѣсомъ, который прожилъ половину тысячелѣтiя. Нѣкоторыя деревья отличаются удивительною толщиною; такъ называемый кипарисъ Монтесумы, не

много повыше корня, имѣетъ въ окружности 41 футъ, слѣдственно около двухъ саженъ въ поперечникѣ. Вьющіяся растенія пепельнаго цвѣта обвиваютъ стволъ и вѣтви, и висятъ длинными нитями, какъ сѣдые волосы; они переходятъ съ одного дерева на другое, и переплетаютъ всю рощу сѣтью, сквозь которую не проникаетъ солнечный лучъ; безпрерывный легкій вѣтерокъ покачиваетъ высокія вершины старыхъ деревъ, и медленно помаваетъ серебряными ихъ власами. Они стояли уже на этомъ мѣстѣ, когда процвѣтало царство Монтесумы: погибла цѣлая нація, исчезла образованность, чужой народъ вступилъ въ обладаніе металлоносною землею, распространилось новое образованіе, теперь и это зданіе сокрушается, а кипарисная роща въ Чапультепекѣ становится все мрачнѣе и страшнѣе.

Время пребыванія нашего въ Мексикѣ было именно самое тихое. Вице-Президентъ, Генералъ Барагамъ, исправлявшій въ отсутствіе Сантаны должность Президента, былъ боленъ, и умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ нашего пріѣзда. Онъ былъ человѣкъ честный и добрый, и потому всѣ знавшіе его искренно и глубоко сожалѣли о немъ. Разсказывали, что въ минуту кончины Барагама, надъ смертнымъ одромъ его явилась въ воздухѣ пальмовая вѣтвь, наклонилась къ нему и исчезла. Погребеніе совершено съ большою пышностію, и, какъ говорили, стоило націи полмилліона. Отъ національнаго дворца, по главнымъ улицамъ города, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, растянутъ былъ наметъ изъ полотна, подъ тѣнію котораго проходило погребальное шествіе. Конница и пѣхотныя войска, числомъ до 700 человѣкъ, бы-

ли очень нарядны; но духовенство, кажется, соперничествовало съ войскомъ въ великолѣпіи и числѣ; всѣ монастыри выслали своихъ монаховъ, церкви священниковъ, учебныя заведенія воспитанниковъ; мы насчитали болѣе 500 бритыхъ головъ; между ними нѣкоторыя лица похожи были болѣе на людей свѣтскихъ и даже развратныхъ, нежели на обитателей монастырскихъ келій. Между духовенствомъ замѣтили мы нѣсколько весьма почтенныхъ физіономій; но чтобы нарядъ и, въ особенности, головной уборъ сановниковъ духовныхъ не найти забавнымъ, на это нужна большая привязанность къ почтенной старинѣ, которая произвела эти вещи. Гробъ несли генералы; покойникъ лежалъ въ немъ непокрытый, въ полной военной формѣ. Дипломатическій корпусъ также находился въ шествіи; пѣвчіе и музыканты,

люди со свѣчами и факелами сопровождали оное; экипажи и верховыя лошади слѣдовали за нимъ. Балконы домовъ, мимо которыхъ несли гробъ, были завѣшены черными сукномъ, а тысячи любопытныхъ женщинъ были всѣ одѣты въ черное платье, и закутаны въ черныя мантильи.

Позднее время года заставляло помышлять объ отъѣздѣ. Приближалось ужасное время желтой горячки, въ которое Веракрусъ становится для чужестранцевъ почти неизбѣжнымъ гробомъ, и Англійскаго пакетбота, ходящаго между Фальмутомъ и Веракрусомъ, ожидали чрезъ нѣсколько дней. Нашъ больной поправился, и мы еще не подвергались климатическому вліянію этой тропической плоской возвышенности; однимъ словомъ, настало время продолжать путь. Дорога изъ Мексики въ Веракрусъ всегда была небезопасна; на ней премы-

шялли искашели счасшія и разбойники, и шакъ какъ они нападали на пушешесшвенниковъ, ѣхавшихъ изъ Европы съ небольшимъ капишаломъ, чшобы въ Мексикѣ нажишь болѣе, или возвращавшихся оншуда въ Европу съ накопленнымъ богашесшвомъ, шо эши большія и малыя суммы поощряли героевъ большой дороги къ новымъ подвигамъ. Въ продолженіе пребыванія нашего въ Мексикѣ не проходило недѣли, чшобы шуда не приходилъ ограбленный дилижансъ, и раза два случалось, чшо пассажиры, имѣвшіе довольно рѣшимосши, чшобы защищашь свое имущесшво, подверглись большой бѣдѣ. Одному Англичанину ошсѣкли разбойники руку, другому Американцу раскололи черепъ. Положеніе жены моей дѣлало предсшоящій пушь для насъ шѣмъ болѣе опаснымъ, чшо дорога дурна, и дилижансы ѣздяшъ чрезвычайно скоро; хошя

въ каретѣ на мулахъ спокойнѣе ѣхать, за то тѣмъ болѣе подвергаешься нападеніямъ разбойниковъ, и проѣдешь вдвое долѣе. Человѣкъ пять, шесть солдатъ, которыхъ правительство дастъ въ проводники по требованію путешественниковъ, обыкновено улизнутъ первые, когда покажутся человѣка два рѣшительныхъ разбойниковъ. Однако же, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я предпочелъ дилижансу наемную карету, и ровно чрезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Мексику, 8-го Марта, выѣхали мы оттуда, въ сопровожденіи Г. фонъ Герольта, въ каретѣ, запряженной семью мулами, во всемъ подобной той, въ которой мы пріѣхали изъ Гвадалахары. Для безопасности дали намъ эскортъ изъ пяти драгунъ, которые въ каждомъ мѣстѣ смѣнялись и становились тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ далѣе мы отъѣзжали отъ столицы.

Доѣхавъ до одной венты, стоящей подлѣ скалы, мы остановились, чтобы подождать человѣкъ двухъ отставшихъ проводниковъ нашихъ. Скала, подлѣ самой дороги, обратила на себя наше вниманіе; мы подошли къ ней ближе, и, къ немалому удивленію, я увидѣлъ въ ней нѣсколько пещеръ, обитаемыхъ Индѣйцами, которые пребыли совершенно вѣрными природному состоянію своихъ предковъ, Астековъ. Семейства ихъ казались многочисленными; множество запачканныхъ ребятишекъ играли въ разсѣлинахъ стѣнъ; мужчинъ и женщинъ не было дома, а намъ нѣкогда было ждать ихъ, чтобы осмотрѣть хозяйство этихъ жителей пещеръ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мексики. На ночь заѣхали мы въ Кордовскую венту, гдѣ готовилось празднество въ честь патрона того мѣста, Святаго Хуана. Изъ сосѣдства наѣхали верхомъ кабалеро-

сы съ своими сеньоритами; дворы наполнились; слышно было ликованіе толпы, смотрѣвшей на бой быковъ; потомъ зазвучала гитара, сопровождаемая нѣсколькими женскими и мужскими голосами; около нея собралась группа танцоровъ фанданго, которые плясали безъ усталости. Съ наступленіемъ темноты началась въ часовнѣ обѣдня; потомъ сожженъ фейерверкъ, пошла пальба, пѣсни, колокольный звонъ, и къ крайнему нашему сожалѣнію, шумъ не утихалъ до самаго утра. Чрезвычайно дурная вода также способствовала къ тому, чтобы сдѣлать намъ ночлегъ непріятнымъ, а кромѣ того, мы должны были отказаться и отъ всѣхъ удобствъ покойнаго помѣщенія.

Мы замѣтно поднимались на высоту: воздухъ становился рѣже, свѣжѣе, даже холоднѣе, страна принимала болѣе сѣверный видъ, а на второй

день путешествія мы проѣзжали уже по пихтовымъ лѣсамъ. Въ Баранкѣ де Хуанесъ находились мы на высотѣ 10,486 футовъ надъ поверхностію моря. Тутъ и вблизи слѣдующей венты, Ріо-Фріо, въ горномъ ущеліи, любимое мѣстопребываніе разбойниковъ. Хотя отъ Ріо-Фріо мѣстоположеніе становится низменнѣе, однако же страна еще не воздѣлана почти до венты Сантъ-Мартинъ, въ которой мы провели вторую ночь. Тамъ мы были уже на 2750 футовъ ниже Баранки де Хуанесъ, на плодородной равнинѣ, въ terra templada. До города Ла-Пуэблы, земля превосходно обработана; богатыя пашни, многочисленныя хозяйственныя строенія, красивыя селенія, чрезъ которыя пролегаетъ дорога, придаютъ странѣ видъ, тѣмъ болѣе привлекательный для путешественника, что онъ только выѣхалъ изъ суровыхъ горныхъ ущелій. Здѣсь преиму-

щественно воздѣлывается пшеница, которая въ хорошіе годы даетъ урожаю 80-е зерно. Съ правой стороны дороги видѣли мы знаменитую пирамиду Чолульскую, памятникъ временъ Тольтековъ, которые въ послѣдствіи были вытѣснены и порабощены пришедшими съ сѣвера Астеками. Этотъ памятникъ, Theocalli, имѣетъ 177 футовъ вышины; на тупой маковкѣ его стоитъ теперь часовня. На половинѣ дороги отъ Санъ-Мартина до Пуэблы есть мѣсто, съ котораго видны на горизонтѣ три извѣстные волкана въ Мексикѣ: Орисаба, Истацигуатль и Попокатепетль; два послѣдніе на четверть вышины своей были покрыты вновь выпавшимъ снѣгомъ, который днемъ стаялъ, и только вершины сохранили свой вѣчный ледяной покровъ.

Мы пріѣхали въ Пуэблу еще рано днемъ, и охотно поѣхали бы да-

лѣе, если бы явился нашъ конвой, но это продлилось до поздняго вечера, и мы остались ночевать. Улицы въ Пуэблѣ узки и кривы, зданія нечисты, и вообще видъ города непріятенъ; соборъ знаменитъ великолѣпіемъ и богатствомъ, а жители, 75,000 человѣкъ, изступленные Католики.

Простудившись въ горахъ, я легъ въ постель; однако же на другой день мы отправились рано утромъ. Погода была вѣтреная и холодная, дорога песчаная; страна вскорѣ утратила видъ плодородія, и близъ мѣстечка Пиналь мы опять проѣзжали чрезъ пихтовый лѣсъ, который также служитъ пристанищемъ бандитамъ. Пиналь стоитъ около 1,000 футовъ выше Пуэблы; далѣе страна безлѣсна, ровна, бѣдна водою, но мѣстами воздѣлана. Мощеная дорога построена во время Испанцевъ съ неимовѣрными трудами и

въ величественномъ видѣ; но теперь развалилась, и часто по ней невозможно бываетъ проѣхать. На протяженіи около 15 легъ, почти до Пероте, дорога идетъ по степи, плоской, безлѣсной, невоздѣланной; горизонтъ вдалекѣ замыкается горами. Лѣтомъ, во время дождей, эта печальная пустыня стоитъ подъ водою, а при проѣздѣ нашемъ нельзя было найти ни капли. Степь была покрыта густымъ туманомъ, который потомъ разсѣялся; но вѣрно содѣйствовалъ къ произведенію обманчивыхъ воздушныхъ явленій, отъ которыхъ голая степь казалась намъ поверхностью водъ, селеніемъ или лѣсомъ. Намъ попадалось навстрѣчу нѣсколько группъ вооруженныхъ всадниковъ: это явленіе каждый разъ наводило страхъ на нашъ конвой, который вѣрно отъ души желалъ, чтобы эти всадники исчезали въ возду-

хѣ, какъ Фата-Моргана; но тѣмъ живѣе была потомъ радость солдатъ, когда страшные кабальеросы добродушно подъѣзжали и вмѣстѣ съ ними закуривали сигары. Послѣ каждой такой встрѣчи, храбрые наши воины одушевлялись веселымъ расположеніемъ духа, становились очень разговорчивы, часто вынимали сабли, и казались грозными, пока снова не выскакивали изъ отдаленнаго облака пыли новые всадники, которые налагали на нихъ глубокое молчаніе.

Около Пероне почва состоитъ изъ чернозема, и потому воздѣлана. Мѣстечко это маловажно, и замѣчательно только, какъ единственная крѣпость во всей землѣ; но ее тѣмъ легче обойти, что она стоитъ на равнинѣ, въ углубленіи и въ сторонѣ отъ большой дороги.

И на слѣдующій день густой туманъ покрылъ страну за Пероне; мы

могли различать только ближайшіе предметы — деревья ocote, родъ сосны. Въ мѣстечкѣ Ласъ-Вигасъ насъ увѣдомили, что далѣе уже нечего опасаться разбойниковъ, ladrones; въ слѣдствіе этого, наши провожатые, las tropas, насъ оставили. Домы въ Ласъ-Вигасѣ построены изъ бревенъ, наподобіе нашихъ крестьянскихъ; также и въ слѣдующихъ деревняхъ до Халапы. Нѣкоторое протяженіе дороги покрыто черымъ обгорѣвшимъ камнемъ, и напоминало намъ объ остаткахъ изверженій въ Агуакатлатѣ; но здѣсь уже разведены кактусы, и деревья ocote мѣстами торчали между черными шлаками. Передъ домомъ одного крестьянина стояло сосновое дерево, и на немъ для продажи развѣшены были апельсины и бананы; множество ихъ и свѣжесть листьевъ доказывали, что жаркая страна, terra caliente, должна быть очень близко,

не смотря на суровость окрестно-
сти. Вскорѣ начали мы быстро спу-
скаться; воздухъ становился теплѣе,
и въ нѣсколько часовъ, съ краткими
промежутками переѣзжали мы изъ
пихтоваго лѣса въ полосы дубовъ,
ежевики, сирени, дурмана, стоявшаго
въ полномъ цвѣтѣ; затѣмъ слѣдовали
персиковыя, апельсинныя деревья, пла-
таны, съ каждымъ шагомъ прозябе-
ніе становилось роскошнѣе, страна
воздѣланнѣе: передъ Халапою прини-
маетъ она видъ прелестнаго сада.
Влажность воздуха и его сильнѣйшее
давленіе имѣли на насъ, береговыхъ
жителей, чрезвычайно благодѣтель-
ное дѣйствіе, и мы тѣмъ живѣе на-
слаждались прелестями этой страны,
столь чудесно украшенной природою.
Невозможно вообразить роскошнаго,
безконечно разнообразнаго прозябенія
около Халапы. Этотъ красивый го-
родокъ, хотя еще на высотѣ облач-

наго слоя, находится уже 3500 футами ниже Ласъ-Вигаса, и этой значительной разности обязанъ той особенности, что въ немъ могутъ прозябать растенія почти всѣхъ полосъ жаркой и холодной земли. Халапа славится здоровымъ, хотя и сырымъ климатомъ; изъ Веракруса уѣзжаютъ туда отъ желтой горячки, и ѣдущіе изъ Мексики проживаютъ въ Халапѣ нѣсколько времени, чтобы не вдругъ подвергнуться утомительному жару низменной полосы. Въ ожиданіи прихода Тиріона, Англійскаго пакетбота, изъ Фальмута, тамъ собралось уже изъ Мексики нѣсколько семействъ, къ которымъ присоединились и мы.

Въ Халапѣ царствуетъ вѣчная весна; однако же во время нашей зимы, и когда на морѣ дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ бываетъ холоденъ; тогда часто идетъ и дождь. Увѣряютъ, что разница между на-

стоящимъ дождливымъ и сухимъ временемъ года въ Халапѣ заключается только въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ ниспадающей воды, потому что дожди бываютъ круглый годъ. Утѣшеніе для нашей оклеветанной Ситхи! Въ солнечные дни воздухъ нагрѣвается до умѣренной температуры, которая отнюдь не становится тягостною. Такая погода стояла въ Вербное Воскресенье, и мы вполнѣ насладились ею. Чрезъ городскую площадь должна была проходить церковная процессія; для этого рано утромъ перевели оттуда плодовый рынокъ въ ближнюю улицу, подъ самый нашъ балконъ. Безконечное разнообразіе формъ, цвѣтовъ и качествъ всѣхъ плодовъ и овощей, принесенныхъ на продажу, было для насъ предметомъ истиннаго удивленія. Процессія прошла и мимо нашихъ оконъ; духовное пѣніе, множество зажжен-

ныхъ свѣчей, длинныя пальмовыя вѣтви и обиліе прелестнѣйшихъ цвѣтовъ придавали шествію особенный видъ, который приковалъ все наше вниманіе. Процессіи въ три послѣдніе дня Страстной Недѣли, были слишкомъ театральны, и не могли намъ понравиться, но для любителей зрѣлищъ онѣ были дѣйствительно любопытны, и, можетъ быть, съ тою цѣлію и учреждаются.

Халапа, небольшой городокъ съ 10,000 жителей, расположенъ амфитеатромъ на холмистомъ мѣстоположеніи, окруженъ садами и лѣсами; рѣчки журчатъ во всѣхъ направленіяхъ; отдаленныя горы Орисаба и Коффре де Пероте видны на горизонтѣ: видъ живописный. Мы гуляли такъ часто, какъ позволяли погода и здоровье моей жены, и каждый разъ находили новыя красоты. Въ находящемся неподалеку отъ го-

рода обширномъ саду, или лучше сказать, фермѣ, любовались мы сближеніемъ весьма разнородныхъ растеній, каковы кофейныя деревья, картофель, сахарный тростникъ, каменный лукъ, корица, анисъ, пшеница, апельсинное дерево, перцовое дерево, и прекраснѣйшіе розовые кусты, которые покрывали стѣны дома отъ земли до крыши.

Проведя девять пріятныхъ дней въ этой прелестной долинѣ, рѣшились мы ѣхать далѣе, чтобы тотчасъ сѣсть на Тиріонъ, коль скоро онъ прійдетъ въ Веракрусъ, а его прихода, по всему вѣроятію, должно было ожидать ежедневно. Мы положили ѣхать въ Страстную Субботу, и наняли двое крытыхъ носилокъ, literas, несомыхъ мулами; ѣзда въ дилижансѣ неудобна по крутизнѣ дороги и испорченности мостовой, а въ носилкахъ безопасна и пріятна. Рано

утромъ сѣли мы въ эти экипажи, и скорою рысью выѣхали изъ города. Едва проѣхали мы версту, какъ увидѣли дилижансъ изъ Веракруса, ѣхавшій тихимъ шагомъ, и узнали печальное извѣстіе, что за полтора часа предъ тѣмъ, на него напали разбойники, и ограбили. Изъ девяти пассажировъ въ каретѣ было пятеро мужчинъ, и дилижансъ провожали восемь конныхъ солдатъ; не смотря на то, четверо разбойниковъ отважились напасть на нихъ; одного солдата они застрѣлили, другимъ ничего не сдѣлали, учтиво заставили дамъ выйти изъ кареты, и очистивъ ее, отпустили; говорятъ, добыча была значительна. — Мы продолжали путь; вскорѣ встрѣтились намъ и солдаты, которые несли убитаго своего товарища на носилкахъ. Мы проѣхали 14 легъ до Puente nacional, прежде называвшагося del Rey: это красивый

каменный мостъ чрезъ горное ущелье и рѣчку, который, какъ важный военный пунктъ, игралъ видную роль въ революціонную войну. Тутъ отдохнули мы и мулы отъ дневнаго жара, и пустились снова въ путь въ полночь, при лунномъ свѣтѣ. У одной деревни, мимо которой мы проѣзжали, зажжены были на полѣ большіе огни, около которыхъ расположились группами люди; намъ замѣтили, что человѣка два изъ нихъ подходятъ къ намъ, и совѣтовали ночевать въ деревнѣ, потому что въ окрестностяхъ не спокойно отъ дурныхъ людей, malos gentes. Мы поблагодарили за совѣтъ, и поѣхали далѣе. Съ каждою милею, которую мы проѣзжали, теплота становилась ощутительнѣе, а съ восходомъ солнца наступилъ томительный жаръ. Видъ страны носилъ признаки палящаго зноя: свѣжая, густая зелень, роскошное прозябеніе

исчезли, и только мѣстами, на ручьяхъ, тропическія растенія осѣняли хижины, построенныя подобно клѣткамъ, изъ бамбуковаго тростника, коихъ жители отличались смуглостію отъ жителей высокой полосы; встрѣчались также черныя, какъ уголь, семейства негровъ, но рѣдко, ибо въ Мексикѣ не дозволяется ихъ имѣть, да и нѣтъ въ нихъ нужды. Наша островитянка съ Уналашки очень удивлялась, увидѣвъ дикихъ попугаевъ, порхавшихъ въ кустарникѣ.

Горы мало по малу исчезли, страна сдѣлалась плоскою, дорога песчаною; на насъ дулъ прохладный вѣтеръ, который все становился сильнѣе: не оставалось сомнѣнія, что мы недалеко отъ морскаго берега. Вдругъ видъ открылся, и передъ нами волновалось море! Неописанная радость овладѣла нами; намъ хотѣлось бы обнять каждую волну, которая чрезъ

низменный песчаный берегъ изливалась подъ наши носилки; нашъ сынъ также кричалъ отъ восхищенія, увидѣвъ любезную, знакомую стихію, и хотѣлъ выскочить изъ носилокъ, чтобы приняться за любимую игру въ Стихѣ, бросать въ воду камешками. Наконецъ увидѣли мы предѣлъ труднаго и опаснаго путешествія, и то же самое море, которое омываетъ берега Европы, и по волнамъ котораго мы вскорѣ должны были достичь любезнаго отечества, вѣяло на насъ освѣжающею прохладою.

Но Тиріонъ не приходилъ; желтая горячка, страшная vomita, могла оказаться въ скоромъ времени: наше желаніе выѣхать изъ земли, по которой мы проѣхали 1,600 верстъ отъ одного берега до другаго, и безпокойство возрастали съ каждымъ днемъ, и потому ты найдешь естественнымъ, что послѣ десятидневнаго му-

чительнаго ожиданія, мы отказались отъ Тиріона, и сѣли на Сѣверо-Американскій корабль, Анна Элиза, трехмачтовое судно въ 350 тонъ, шедшій въ Нью-Іоркъ, и устроенный для пассажировъ.

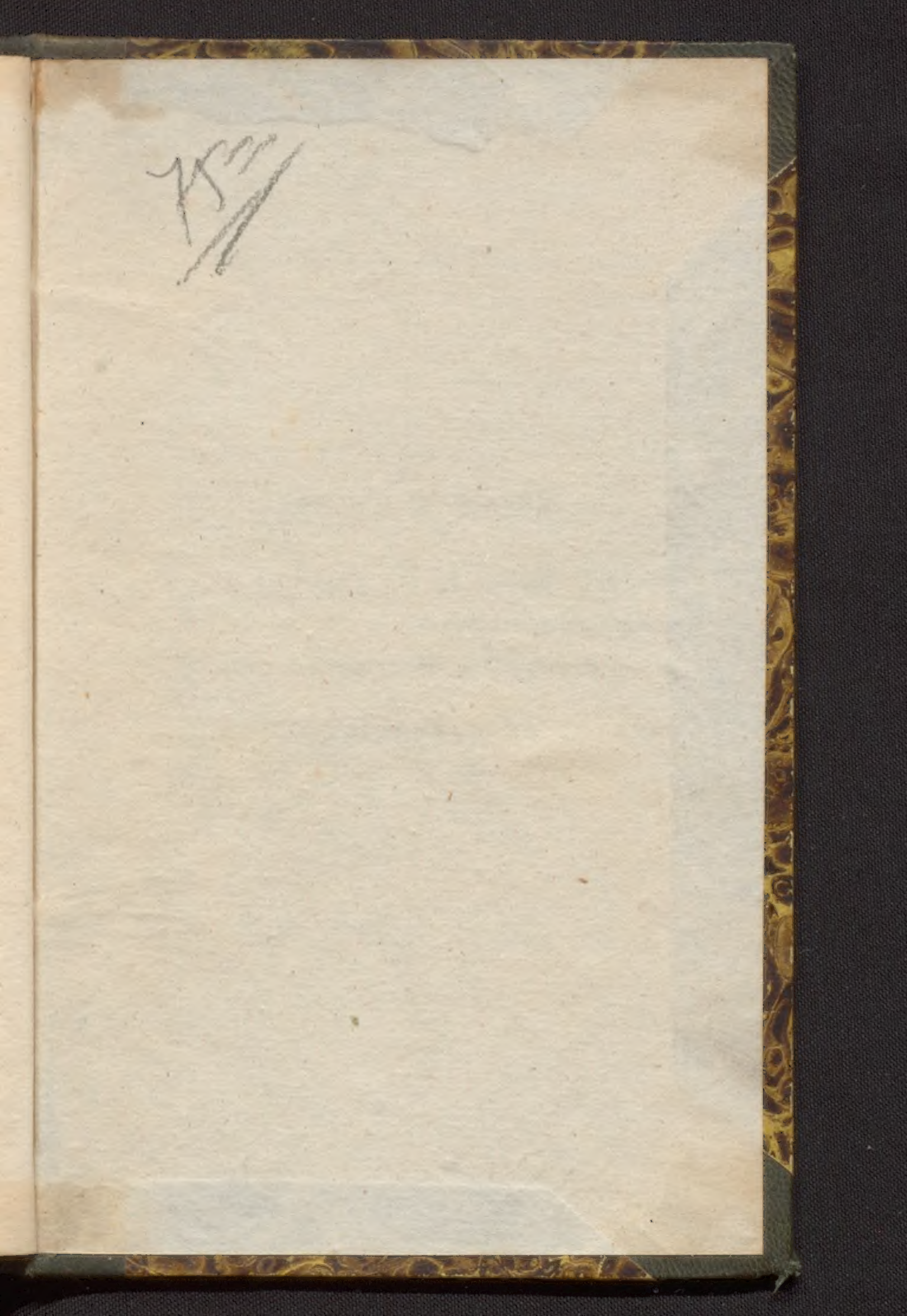
Веракрусъ такое извѣстное мѣсто, что я не могу сказать о немъ ничего новаго: и такъ, безъ замедленія, снимемся съ якоря. 3-го Апрѣля, чрезъ 88 дней послѣ выхода нашего на Мексиканскій берегъ въ Санъ-Власѣ, мы вновь вступили подъ паруса, надутыя благопріятнымъ вѣтромъ. Судно превосходно шло, и хотя въ послѣдствіи мы должны были бороться съ сильными противными вѣтрами, однако же достигли теченія залива, прошли мимо береговъ Кубы и южныхъ Штатовъ Сѣверной Республики, и чрезъ 19 дней вошли въ Нью-Іоркскій Заливъ.

Какое зрѣлище намъ здѣсь представилось! Сотни судовъ различнаго рода перерѣзывали просторный заливъ, при свѣжемъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами; множество пароходовъ дымилось около насъ; по берегу стояли красивыя дачи и сады: это была картина, исполненная дѣятельности и благосостоянія, прелести и жизни, достойная своего предмета, Нью-Іорка, величайшаго, богатѣйшаго, многолюднѣйшаго торговаго города на всемъ материкѣ Америки. Вскорѣ показался непроходимый лѣсъ мачтъ на тысячахъ судовъ, окружавшихъ гавань, потомъ самый городъ. Чрезъ каждыя три минуты, приходили и отходили красивые двухпалубные пароходы, наполненные людьми, которые имѣютъ дѣла въ Бруклинѣ и Нью-Іоркѣ, и это продолжалось цѣлую ночь, весь день, и круглый годъ бываетъ тоже. Анна Элиза пристала къ назначенному для

нея мѣсту; хотя уже былъ вечеръ, но мы сошли на берегъ, горя нетерпѣніемъ посмотрѣть на знаменитый городъ. По улицамъ гремѣли нагруженныя повозки, омнибусы, наемныя кареты, безъ числа; пѣшеходы толпились; зданія большею частію семиэтажныя, наполненныя магазинами, кладовыми, лавками, и превосходно освѣщенныя гасомъ. Какое движеніе, свѣтъ, богатство, разнообразіе, поражали насъ! Сутки, проведенныя нами въ Нью-Іоркѣ, были для насъ чрезвычайно занимательны и любопытны.

Но время не терпѣло; намъ нельзя было терять ни одного дня, и мы чрезъ 24 часа сѣли на прекрасный Американскій пакетботъ, Утика, въ 600 тоннъ, съ 40 пассажирами, тотчасъ подняли паруса, и послѣ 30-дневнаго, довольно бурнаго плаванія, вошли въ Гавръ, гдѣ дымился Гамбург-

скій пароходъ въ ту минуту, какъ мы сошли на берегъ; чрезъ два часа мы были уже на этомъ пароходѣ, и на дорогѣ въ Гамбургъ, куда пришли въ 51 часъ, и чрезъ Любекъ на пароходѣ Николай 1, въ пріятномъ обществѣ, достигли, 4-го Іюня, вожделѣнной цѣли нашего путешествія. Три дивизіи линѣйныхъ кораблей, фрегатовъ и меньшихъ судовъ, раздѣленныя на нѣсколько эскадръ, крейсировали между Гогландомъ и Кронштатомъ; я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту армаду, и слѣдовалъ глазами за ея эволюціями: зрѣлище было разительное и величественное! Не менѣе удивили меня новыя укрѣпленія въ Кронштатѣ. Все свидѣтельствовало о дѣятельности творческаго духа, который довершаетъ обширныя дѣла Великаго Петра.

M
B
81-O
2